

Гр. Капанцяш

Суффиксы и суффигированные слова в топонимике древней Малой Азии

(их генезис, языковая принадлежность и территориальное распространение)

Для изучения имен древней Малой Азии как топонимических, так и личных, большое значение имело бы предварительное их собрание, как сборный труд, куда вошли бы имена, сообщаемые греко-римскими писателями, надписями на ликийском, лидийском, карийском и других языках, а также новооткрытыми надписями на хеттском, лувийском, хурритском, аккадском и других языках. Если топонимика классического периода довольно обстоятельно собрана, классифицирована и в некотором отношении изучена, например в трудах Павла Кречмера¹, Зундвалла², Паули³ и др., то такая же работа в отношении клинописного периода еще не завершена, хотя многое сделано, например в трудах Э. Форрера, А. Гётце, Фр. Грозного (в отношении имен хурритских богов) и пр., но к несчастью многое осталось и неопубликованным (у Форрера)⁴. Для уточнения имен мест, их дислокаций, значения и пр. большое подсобное значение приобретают также „римские дорожники“, как и исследования на месте, произведенные учеными Henry Grégoire, J. G. S. Anderson, P. G. de Jerphanlon, братьями Fr. и Eug. Cumont и др.

Хотя моя работа над топонимическими частицами имен древней Малой Азии проделана совершенно независимо от вышеупомянутых трудов или заметок и имеет особенно ввиду словообразовательную топонимическую практику языков восточной части этого полуострова, в частности протохеттского, хеттского, хурритского, урартского, грузинского и армянского, тем не менее я вынужден буду брать лучшую до сих пор работу П. Кречмера („Введение в ист. гр. языка“), как наиболее основную, пополнив или переработать те места, точнее те словообразовательные элементы, которые нуждаются в пояснениях или подтверждениях на основании нового материала и, наконец, их дополнить новыми, выявить их генезис, языковую принадлежность и распространение. Конечно, этим дело не завершится.

¹ P. Kretschmer, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, Göttingen, 1896.

² Sundvall, Die einheimischen Namen der Lykier (11. Beiheft zur Klio, Leipzig, 1913.

³ Pauli, Die Inscription von Lemnos (1—11).

⁴ У Э. Форрера имеется картотека (Zettelkatalog) на 7400 топонимика из греко-римских источников, 4000 из ассир. надписей, 1450 из Богазкея, 700 имен богов из богазкейских же источников (см. Kleinas. Forsch., стр. 284).

И если П. Кречмер сумел в свое время довольно обстоятельно охватить материал из надписей и работ писателей классического периода, то используемый мною клинописный материал, естественно отсутствовавший у Кречмера и других, будет более древним и точным, ибо выявляет словопроизводство живых тогда языков, как протохеттский, лувийский, хурритский, хеттский (как клинописный, так и иероглифический), урартский и др.

Хочу здесь присовокупить также, что наша маленькая работа, претендуя на большой материал и новые подходы объяснения, имеет также две целеустановки или целеустремления.

С одной стороны констатируется и используется то общее языкотворческое начало, в связи с мышлением своего времени, когда, напр., имя предмета во множественном числе передает метонимически и значение местности, как армянские Parni, Bəjri, Mułni, Garni., Masikh, Korčajkh, Kotajkh, Vir-kh, Haj kh., Teler, Serkewler., груз. Notanebi, Vašlebi., рус. Боровичи, Черкасы, Валуйки, Кимры, Сумы.. (ср. также „Дорога из варягы в греки“), греч. Athenai, Thebai и т. д., затем когда эта топонимика образуется через суффиксы, образующие притяжательные прилагательные, как груз. Хаšuri, Čia-thuri., арм. Erizakan, Muselkan, Osakan., рус. Славянск, Архангельск, Смоленск., Колпино., Михайлово, польское Польска „Польша“, чешск. Чехословенско „Чехословакия“, лат. Argentina, Fiorina., и наконец, когда такая топонимика образуется из формы род. падежа, как груз. Tbilisi, Khuthaisi., Gubtha, Varentha, Sxaltha, Xahdztha., арм. Tasu, Erizu, Goru, Bokaxu, Alitu (в Сюнии), Mcu, Kərxu, Korvu (сёла у Битлиса), Kendranç (в районе Карчкана), Daronç (в районе Хизана), Phsawanc (в районе Гаваш-Остана), Patakanc (ibid.), Вапанс., Ekeleac и т. п. Но с другой стороны, кроме этих общих тенденций словообразования через те или иные частицы, нас здесь должна занимать особенно *разность* в формальных проявлениях этих частиц на территории древней Малой Азии и сопредельных с востока стран, ибо этим мы можем отчасти отграничивать территориально древние языковые единицы, точнее локализовать эти имена мест, объяснить пути распространения и влияния, констатировать продуктивность (жизненность) данного суффикса (частицы) данного языка для данного времени и т. п., а все это приобретает для нас определенную историческую ценность. Нас естественно должны особо интересовать и бытования этой древней топонимической практики суффиксального образования и на территории хаев-армян (в Хайаса, Ёрарту-Армении) как и грузин.

Разберем теперь конкретно те топонимические суффиксы или суффиксированные элементы, которые были выявлены и разобраны в трудах П. Кречмера и других, с внесением нами того корректива в уточнении, констатации и дифференциации, который дается древней топонимикой клинописного периода и малоазийскими древними язы-

ками. А после уже остановимся на новых топонимических подобных форматах, сделав в конце и некоторое обобщение этно-лингвистического исторического порядка.

1. -anda (-unda || -inda)

Имена с этим суффиксом весьма многочисленны и встречаются во всей Малой Азии (в Вифинии, Галатии, Фригии, у приморских греков и пр.). Но подобный же суффикс проник и на запад от Малой Азии, даже в Грецию, где имеются напр. имена городов *Kόρινθος*, *Τίρουθος* и др. П. Кречмер затрагивал и вопрос о первичности -nt или -nd, отрицая их индоевропейское происхождение из -ndh-. Его утверждение, что в Малой Азии господствует -nd- (т. е. anda) со звонким „d“ сейчас находит поддержку в клинописной передаче (ассирийской, хеттской, хурритской), где эти имена везде пишутся через anda: *Mijavanda* (в Арзаве), гора *Huvalanuvanda* (ibid.), *Millavanda* (в Арзаве или Кизватне), *Parsuhanda*, *Burušhanda* (в Хеттии), *Buranda* (в Арзаве), *Zippalanda* (в собственной Хеттии), *Tanivanda* (где почиталась богиня *Kamrušepa*), *Taruvanda*, *Hinarivanda*, *Sappaganda*, гора *Aḡinnanda* (в Арзаве), река *Maraššanda* (Алис) и др.¹, хотя в хеттской клинописной графике встречается и форма с глухим „t“, как напр. в писании имен городов *Uluwanta*, *Karapuwanta*, страны *Tarhuntasa*, города *Mašhunta*, в мужском имени *Kurunta* и пр. В хеттском, как известно, глухие и звонкие согласные часто путаются и потому еще не ясно их подлинное произношение.

В греко-римский же период, судя по Кречмеру (стр. 308—310), имелись, напр., следующие имена городов: в Ликий — *Θρύωνδα*, *Καδωνδα*...; в Памфилии — *Ἀσπενδος*, *Σίνδαυνδα*...; в Писидии — *Ἰσινδα*, *Τομχυνδος*...; в Киликии — *Κυινοχ*, *Μουσζανδα*...; в Катаонии — *Ποδανδος*...; в Каппадокии — *Σοανος*, *Λύχανος*, *Ἀρίανος* (и *Ἀρίανζος*)...; в Ликаонии — *Λαρχανδα*...; в Фригии — *Μλοβνος*, *Ζιβιδουνδα*...; в Карии — *Ἀμόνχνοα*, *Καρύωνδα*, *Καλυνδα*...; в Лидии — *Σιλανδος*, *Καλχνοα*, *Μορμονδα*...; в Родосе — *Καρυνδος*, *Βρυγίνοαρχ* (имя женщины) и пр.¹

Нас, в частности, должно интересовать и наличие суф. -anda (|| -unda || -inda) в Грузии, Армении и древнем Урарту. Клинописные данные об Урарту не сообщают нам имен мест с этим суффиксом. Грузинские же и армянские топонимика хотя и имеют такие образования, однако они ограничены своим расположением только в определенном направлении, а именно по верхней Куре, Араксу и по берегу Черного моря, что дает мне основание предполагать о сравнительно позднем их проникновении, возможно в связи с гре-

¹ Г. Мейер и Паули в именах мест на -αδα, -εδος, -ιδος, -ονος хотят видеть выпадение „n“ перед „d“ (Ср. *Τιβασαδα*, *Ούσαδα*, *Σύνναδα*, *Λέβεδος*, *Σέβεδα*, *Ναγίδος*, *Μαγίος* и пр.). Это явление наблюдалось и в хеттском, ср. *(a)laddari* („хлеб“) из **alandari*, имена городов *Jaruwai(t)a* < *Jaruwanda*, *Burušhaita* < *Burušhanda* и пр. Ср. также хурр. *Puranti* = аккадск. *Purattu(m)* „Ефрат“.

ческими колониями, торговлей и некоторой передвижкой определенных племен. Древние клинописные документы очень редко приводят имена мест на -anda в северо-восточной Малой Азии. Мне известен только город Sapagurwanta, где почитался хайасский бог грома и молнии, хотя в Хайасе-Аззи, расположенном на верхнем Евфрате (Карасу) известно нам до пятнадцати населенных пунктов („городов“) с другими словообразовательными элементами. Нет как будто образований с суф. -anda || -unda и в сопредельных с Хайасой странах Ишува, Пала и др. Все это заставляет думать, что обилие топонимических образований с этим суффиксом -anda и пр., что так явно бросается в глаза в позднем Понте, а отсюда отчасти и в Грузии и Армении, есть сравнительно новое явление. Об именах мест на -anda в Понте имеется даже особая работа Бенлова (Des noms d'endroits terminés en *anda* non loin de Trebizonde: Actes du X Congr. Orientalistes, Sect. VII, 633—637). По типу Керасунда, Трапезунда и пр. образовано, напр., имя Пицунда (= Сухум), ставшее в местном произношении Бичвинта. Грузинское Dranda (монастырь) на реке Кодор в Абхазии также примыкает к этим именам на -anda || -unda. Ср. Taranta в Катаонии¹, Δαρτανος в Вифинии и Tarentum в Италии.

Распространение же топонимической практики со словообразовательным суф. -anda и пр. происходило по моему не только как последствие торгово-колониционной экспансии греков или грецизовавшихся туземцев Малой Азии, но и как последствие миграции или расселения этих древних малоазийцев еще с восьмого века до н. э. Я имею в виду мушков, хайассцев, палайцев (балайцев), тубалов и др. Этому фактору я хочу приписать наличие топонимики с -anda в Джавахетии (напр. в имени села Varevand, что сев.-зап. от Ахалкалаки), в именах армянских областей Marand (в „Вайоц Дзоре“ близ Цахацкара), Haband (в Сюнии—Зангезуре), Vanand (Карсская обл.)², Varanda (в Арцахе—Карабаге), Bagravand (Алашкертская долина до Басена) и др. Таким путем проникали, конечно, и другие имена мест и в частности, напр., Аззи (= римск. Aza || Haza) бывшей Хайасы—Аззи повторяется в Голтене, где есть *Верхняя и Нижняя Аза*, *Ани* на Евфрате³ повторяется в *Ани* на реке Ахурян, имя страны и племен *Бала (Пала)* вместе с переселенцами переносится и на новое место в Сюнии, где есть „страна балов“ (Balas ašharh), не говоря уже о balakaraп „бала племена“ (= Карабаг) и пр. Переселение хайаса-аззийцев и балайцев с верховьев Евфрата и Келькит шло и на Мелитену-Тогарма, на Арзанепу, где также есть топонимические свидетельства (Hajni, Hazzo, Hajoс dzor., Paluni, Bala-hovit, Balēš и пр.). На суф. -anda в вышепоименованных ар-

¹ Это древнее Таранта—современное Даренде, находящееся западнее Малатии, по соседству с Арслан-дашом, где на утесах изображена пара львов (см. Н. Адонц. Арм. в эп. Юст., 84).

² Есть и село Вананд в Сюнии (в районе Кашуний) у Аракса.

мянских именах обратили в свое время внимание ученые Каролидес, Бугге, Ташян. Имя Маранд области Вайк (есть и одноименное Маранд в Атропатене южнее Ордубата) они трактовали в связи с арм. формой *մար* *mar* „мидиец“ (было и место „Маракерт“). Лагард (Ges. Abh., 214) и Бугге (Lykische Studien, I, 10—14) из армянских имен Багреванд, Заруанд (в рукописи Плиния написано Zoaranda, см. Nat. hist., VI, 128) и пр. хотели вывести суф. -wand и сопоставить с действительно существующим -wand в нарицательных армянских *bardzrawandak* „плоскогорие“ (от *bardzr* „высокий“), *darawand* (от *dar* „скат, возвышенность“), *sarawand* (от *sar* „высота“), *gahawand* (от *gah* „престол“) и пр. Этот -wand они считали индоевропейским суффиксом и сопоставляли с индоиранск. -want, греч. -Fεντ- || -εντ (напр. в слове *χρῖς*). Тот же суф. -wand Бугге (ibid., 11) видел и в малоазиатских *Oroanda* = *Ὀροανδεις* (в Памфилии), *Soanda* = *Σόανδος* (в Каппадокии), *Oeiniandus* (в Киликии) = *Οἰνωνας* (в Кибюратисе), выводя последнее имя из **Woinowanda* „винообильный“. Мне же думается, что в армянских нарицательных словах *bardzrawand(ak)*, *darawand*, *sarawand* и пр. нужно выделить не -wand, а -awand, как суффикс для обозначения обилия, и считать это -awand заимствованным из иранского -awant (ср. имя горы *Dum(b)awand* „дымный“), тем более, что армяне заимствовали и форму его женского рода -awaiti (в Авесте) — санскр. -awati. Это иранское -awati я вижу в армянском суф. *-աւաւ* *awēt*, что еще более распространено, чем -awand, и обозначает также обилие (напр. *caḵkawēt* „цветущий“, *burawēt* „душистый“, *ginewēt* из **ginlawēt* „винообильный“ и пр.). Наконец, суф. -wand в имени *Bagrewand* (у Птолемея *Βαγρῶανδῆν*) скорее следовало бы сопоставить с тем же -wanda в клинописных именах городов *Miavanda*, *Millavanda*, *Huvalanuvanda*, *Tanivanda*, *Taruvanda*, *Hinarivanda*, *Karanuvanda*, *Uluṽanta* и пр. (см. выше), не говоря уже об именах греко-римского периода, как *Ποδῶανδος* (*>Ποδῶνος*) = клиноп. *Paduwandāš* (KUB, XXVI, 43, obv. 25) = совр. *Bozantl* (в Катаонии), *Μουσῶανδᾱ* (пишется и *Mysanda*, оба из **Muswanda*) в Киликии, *Καῶανδᾱ* в Ликии, что в чисто ликийских надписях передается через *Xadavati* (из **Xadawanti*), *Θρωανδᾱ* в Ликии, *Καρῶανδᾱ* в Кари, *Καρῶανδᾱ* (ib.), *Χρωανδῶς* (ib.) и т. д. и т. п.

Что же касается происхождения этого азиатического -anda, который вдобавок еще варьирует с -unda и реже с -inda, то ученый Паули впервые приписал его народам южной Малой Азии, откуда распространился и по другим местам (Inscript von Lemnos, I, 44 и сл.). Это можно было бы поддержать не только тем, что в хеттское и греко-римское времена в южной части Малой Азии суф. -anda более встречается, чем в других местах, но и предлагаемой многими возможной его этимологией с лувийским суф. для множественности на *-lnza* || *-lnzi* (или *-enzi*), а также и *-anza*, где „z“ получилось из „d“, как это видно и из соответствия лувийских богов *Apparummenzi* хеттским *Inparawantaš*. Нам же известно из практики

других языков, когда имена предметов во множ. числе становятся также именами мест (см. выше). Так что, когда читаем напр. имя города в Арзаве под названием Buranda, то это могло значить „рабы“ (ср. урартс. *buṛa* || *puṛa* „раб“) или имя горы Arinnanda (там же в Арзаве) могло просто значить „гóry“ (о чем см. у меня в конце в заключении) и т. д.¹ Нужно иметь в виду также и хеттский суф. *-anza* или *-anda* в простых нарицательных словах *gimmanda* „зима“, *hameshanza* „весна“ при простом *hamešha* в дат. п. *hamešhi*, вин. п. *hamešhan* (id.), *zenanza* „осень“ при *zēna* (id.), *wittanda* „год“ при простом *wittu* „в году“, *udneanza* „страна“ (ср. *udne* с тем же значением), *tuzzianza* „лагерь“ при *tuzzi* (id.) и пр., хотя первичная функция и происхождение этого *-anda* || *-anza* все-же не ясны. Ср. также личное имя *Zidanda* при простом *Zida*.²

Как бы то ни было, суф. *-anda* в малоазийских топонимика, как правильно подметил Кречмер, есть одно из специфических проявлений языков именно данной местности с распространением на восток и запад.

2. Суффикс *-sa* (*-ssa*)

Суффикс этот был столь же распространен в древней Малой Азии и западнее, вплоть до Греции включительно, как и суф. *-anda*, если даже не больше. В греко-римской передаче, как и в надписях на туземных языках, этот суффикс с основным *-s-* (*-ss-*), имел спереди и после разные гласные, образует как имена людей, так и име-

¹ Ср. следующие примеры из хетто-лувийской псевдобилингвы (I. Friedrich, *Kleinasiatische Sprachdenkmäler*, Berlin, 1932, стр. 36–37): *UDU-inza* „овцы“, *GUD-inza* „быки“, *tatinzi DINGIR-inzi* „отцы боги“, *rapnanzata* „из домов“ (?) и т. п. Такое же окончание лувийского множ. числа на *-inz* я вижу и в собственном имени города *Haltinzua*, что дословно значит „место относящееся (-ua) к хеттам“, „место хеттов“. Слово же *rapnanzata* поставлено в форме исходного падежа на *-ta*, что свойственно и иероглифическому хеттскому, где *-ta* для Ablativus-Instrumentalis (см. I. Gelb, *Hitt. hier.*, III, стр. 41), а форма *rapnanza* должна значить „дома“ (ср. хеттс. *rapna* „дом“). Даже в самом хеттском есть эта форма я бы сказал собирательного множественного числа „*rapnanza*“, что И. Фридрих переводил „все дома“ (см. Sturtevant, *Hitt. glossary*, II, стр. 118). Подобное же собирательно-коллективное значение дают и „чисто“ хеттские *perisanza* „небеса“ при обыкновенном *peris-nebo*, *ripnanza* „рули, вёсла“, *perupanza* „скалы“ при *perupa-* „скала“ и т. п.

² Есть в хеттском и поссесивный местоименный форматив *-enza(n)* для род.—исх. падежей мн. ч., как *dammenza(n)* „других“ (от *šamaš* „другой“), *šumenza(n)* „от вас“, *areanza* „от них“ и пр., что как будто осталось и у армян в формах исходного пад. мн. ч.: *i mēn* „от нас“, *i dzēn* „от вас“. Армянский вторит хеттскому и в трех основах следующих слов времени: от *šiw* „день“ имеем *tw-ən*-ean (род.-дат. п.), от *miš* „всегда“ *māš*-ən]-ean „вечный, всегдашний“, от *va* „рано“ *va*-ən]-ean (ср. *i va*-ən]ene „издавна“). Но, естественно, это хеттское *-enza(n)*, могущее быть из старого **-enda*, не может лечь в основу объяснения многих топонимика на *-anda* || *-unda* || *-inda*.

на мест. Ср., напр., имена людей в древней Малой Азии: в Ликии Ἀρχαίς (от имени Ἀρχα), Ἀρσαίς, Ἀρμόαίς, Ταυοαίς., Σπίγασα (по лик. Sbikaza)...; в Писидии Πίγασις, Ὀπλεσίς, Μαμωτασίς.; в Ликаонии Ἰουρασίς, Ἰγγασίς, Πίγγρασις (от имени Πίγρης), Τάρασις, Τολοῦρασίς.; в Киликии Ἐπουασίς, Κιδαμουαίς, Τερβέμασις, Ἀρβασίς и пр. У карийцев больше передается с двумя -ss: Πανύασσις (но и Πανύασις), Ὀασσοσσίς, Τένδεσσίς, Ἀλικαρνησσοίς и пр. (см. у Кречмера, стр. 315—317). Из имен городов отметим: Κρύα (город и гора в Кари) писалось и Κρυασσοίς, крепость Χῶρα в Каппадокии во время Страбона называлась Χηροασσοίς, город Μυχαλή (в Кари) известен и под именем Μυχαλησσοίς и пр. Ср. также—Ὀρβαλισσηνή (в Малой Армении), Ἀκχλίσσός (в Ликии), Θερμίσός (в Кари), Ἰδίσσος или Ἰοίσσα (там же), Κυδίσσός (во Фригии), Τόμισα (в Каппадокии), Λυρνησός (в Мизии), Ταβιασσοί (в Греции, ср. τὸ Ταφίον ὄρος), Διρφωσσοί (ср. имя горы Δίρφος в Евбее), Ζιλμίσσος (во Фракии), гора Μερίσσος (там же) и т. д. и т. п.

Но что же придает слову его конечный суф. -s- и каково его происхождение?

Некоторые исследователи, как С. Бугге или арменист Я. Ташян подходили было к генезису этого суффикса по данным армянского языка, что конечно суживает вопрос о его происхождении и в корне неправильно. Правильны быть может их попытки генетического увязывания с арм. флексией „g“ (= рус. „ц“) род.-дат.-исх. п. мн. ч. особенно ликийского суф. -azi или -ezi, показывающего происхождение по месту, как напр. Spartazi, Patarazi, Atenazi или же prnpēzi „домашний“, Surezi „сирийский“ при армянском -ազի -aci (Xorenaci, Kotbaçi, քովազի: „деревенский“, khalakhaçi „горожанин“ и пр.). Нет также сомнения, что греки своим -s- (-ss-) вынуждены были передавать и иноязычные „š“ (рус. ш) и разные аффрикатные согласные в роде с (рус. „ц“), č (рус. „ч“), с (tš=арм. ճ), ts (=арм. ժ) и пр. Ср. хотя бы греческую передачу имени армянской области Եկեղեց Ekeleas через Ἀχιλίσσην ή или имени городка Արճէ Arčēs через Ἀρτισσα (или Ἀρτησα). Но конечно этим вопрос не разрешается, ибо морфологические данные самого армянского языка совсем недостаточны при объяснении столь большого, обширного и разноместного распространения суф. -s- (-ss-), отсутствующего вдобавок в армянской топонимике.

В этом отношении нам на помощь приходят нововыявленные хеттские и прочие клинописные материалы, где весьма многочисленны имена мест на -ša (или -šša), произносившееся несомненно -sa. Писание же через -šša есть чисто графическое явление, хотя многими это ставится в связь с ударением на предыдущем гласном. Но все же не так редки писания одного и того же имени через -šša или -ša. Имеются, например, следующие города (resp. страны) Малой Азии в клинописный период: Haiaša, Hattuša, Hurluša (Hurliša), Urusša (Урфа?), Wiluša (>Uluša), Karkiša, Jahrišša (Jahrešša), Bigainarešša, Hagbišša, Zazziša, Anisa, Adhulisša, Balhuišša, Ivatallisa, Apasa, Zapa-

rašša, Ninašša (Nenašša), Tarjuntaša, Dattaša, Aripša и пр. В греко-римский период также упоминаются города с конечным -sa (-ssa), как Cybossa (в Мелитене), Sedisa, Sunisa (Sanisa), Verisa, Karlissa, Sermusa или Seramisa (нын. Омала), Pimolisa, Dadasa (крепость у Евдокии, см. Dion Cass., XXXVI, 12). Getasa (=Godasa?, см. у Птол. V, 6, § 20 село у Никополя) и т. д.

Одно языковое явление выгодно отличает эти хеттские и прочие древнемалоазиатские топонимика, это то, что они всегда оканчиваются на -sa (-ssa), т. е. на основной элемент „s“, наличный и в греко-римский период, и на постоянное прибавочное „a“, которое, как и в других древних частицах мест на „a“, как-бы выявляет или констатирует функцию локализирования, т. е. ассоциирования данного понятия с каким то местом. Само-же -s- считается формативом притяжения (поссесивности), что я ставлю в связь с окончанием флексии родительного падежа на -s. А так как такое окончание род. падежа имелось только в хеттском (клинописном и иероглифическом), а также лувийском языках (нет в хурритском и урартском), то и район распространения топонимика на -s ограничивается главным образом территориями западнее Ефрата, не охватывая Субарту и Урарту. Егетский и пеласгский языковые миры, судя по греческому, в этом отношении имели подходящую языковую почву.

Между прочим армянская топонимика не сохранила этих образований на -s, ибо нет в арм. языке и подобного формата род. п. на -s. Наличные поздние Карс, Горис, Толорс, Бнунис, Мокс и пр. являются формами винительного падежа множ. числа при частом применении этих имен как для указания пребывания (статичного состояния i Kars „в Карсе“), так и для направленности (i Kars „в Карс“). Армянский язык подобно урартскому в род. п. ед. ч. имел гласную „i“ (resp. „j“), а потому и нет образований имен мест на -s(a). Грузинский язык имел в этом отношении вполне подходящие условия, ибо там род. падеж оканчивается на -is. Потому и имеются топонимические Tbilisi, Khuthaisi, Manglisi, Dumanisi и др¹. Если бы в них последний звук „i“ заменился гласным „a“, как субстантивирующей и локализирующей характеристикой, то мы имели бы, так сказать, древне-малоазиатскую языкотворческую практику в образовании имен мест

¹ Имя Manglisi, как я отмечал и в другом месте, идет из сумерского egil „палата“ с изменением в egil (у аккадов стало ekallu). Армяне изменили это egil в Angl (род. п. Angel) со значением „крепость“. Это слово сохранилось во многих местах, но как собственное имя, и везде относится к крепостям, как подчеркивают и сами историки или же сохранившиеся развалины. Из Армении же это angl перешло и к грузинам в форме M-angl-isi. Второе же имя Dumanisi идет из северо-восточной Малой Азии, где в числе городов Малой Армении Птолемей (V 3, 18, стр. 882) называет и имя Дуртуз (см. у Н. Адояца, Арм. в эп. Юст., 74), что западнее Саталы. Но хеттские клинописи (напр. анналы Муршила II) упоминают в Понте, близ страны Пала, рядом с Дурмнтгой, и город Тимтапа, что так совпадает по созвучию, а может быть и по месту с Доманой Малой Армении. По „Notitia dignitatum“ в Домане стояли римские всадники (Equites sagittarii).

с той только разницей, что грузинский сохранил бы и гласный „i“ формата родительного падежа, чего в других случаях может и не быть (ср. напр. имя хайасского города *Aripša* и груз. *Supsa*).

Приводимые в клинописи имена мест на *-sa* охватывают почти всю Малую Азию, как напр. имена городов *Haršanašša* и *Karkiša* в Арзаве (юг Малой Азии), *Wiluša* (юго-запад), *Nenašša* (юго-восток), *Zazziša*, *Hataša*, *Aripša* (северо-восток), *Hattuša* (столица хеттов в Каппадокии), *Hurluša* (город хурритов), *Bigainarešša* и *Jahrišša* (*Jahrešša*), находившиеся у городов Харран и Эдесса (Урфа) и т. д. Иногда эти имена легко объясняются, как напр. *Hattuša* (от *hatti* национального имени хеттов), *Hurluša* (от имени хурритов), *Haiaša* (от имени *haja*), *Balhuišša* от хеттс. слова *raihi-š* „широкий“, *Ninašša* от имени богини *Nina* и др.

Топонимические, да и простые нарицательные слова с суф. *-ssos* (*-ttos*) и *-nth* встречаются также на островах Крит, Хиос, Парос, Кеос, в Аттике, Бэотии, Фокиде и пр. Это считают влиянием древнейших обитателей пеласгов на греков, которые у них взяли и нарицательные слова с суф. *-nth*, как *labyrinthos* „лабиринт“, *mērinthos* „нить, шнур“, *apsinthos* „полынь“, *kērinthos* и пр. Но с другой стороны греки ахейцы и эолийцы, по данным хеттских надписей, за 13—14 веков до н. э. жили близ западной части Малой Азии или Памфилии с царями Этеокл, Атрей и др. (по Форреру), так что была и такая непосредственная возможность перенятия чисто малоазийских лексических и формальных (*-s*, *-nth*) элементов.

Происхождение этого малоазийского суф. *-sa* А. Гётце (в „*Kleinasiens*“, Мюнхен, 1933 г.) склонен был объяснить как будто на лувийской языковой почве, беря примерами имена мест *Tarhuntaša* и *Dattaša*¹, образовавшиеся от имен богов Тархунта и Датта. Он же думал с этим посессивным *-sa* связать и индоевропейский форматив *-es* для новых слов в роде русского неб-ес- (ср. хеттс. *napas*), кол-ес-, чуд-ес- и пр. Другой хеттолог Э. Форрер в статье „*Hajasa-Azzi*“ (см. *Caucaſtica*, Fasc. IX, Лейпциг, 1931 г., стр. 23) объяснял слово *Hajasa*, как страна, принадлежащая Хаю (*dem Haja sein Land*“, „*Haja-Land*“), понимая, следовательно, суф. *-sa* как показатель страны (места), а само *Haja*, как имя мужчины, народа или бога (*ibid.*). Также хочет понять значение суф. *-sa* и ученый Л. Делапорт, считая его лувийской посессивной местоименной частицей третьего лица, образующей имена принадлежности (*Tarhuntašša* „qui appartient a Tarhunta“, *Dattašša* „celle du (dieu) Datta“)².

Несомненно, что это топонимическое *-sa*, как уже было сказано, связывается с посессивной функцией формата род. падежа

¹ Ср. также и имя крепости *Dadasa* у города Евдокии (*Dion Cassius*, XXXVI, 12).

² См. Louis Delaporte, *Les hittites*, Paris, 1936, стр. 310.

на -s, судя по обусловленности таких топонимика только с территориями, где языки имели род. п. на -s.¹

3. Суффикс -m (-ma, -mi)

Такой суффикс устанавливает Кречмер (322—325) на основании собранного им, Шмидтом (Neue lyk. Studien, стр. 84), Г. Мейером („Bezz. Beitr.“, X, 182) и др. топонимического материала древней Малой Азии, Крита, Греции (см. также Я. Ташян, Учение класс. арм. яз., I, Вена, 1920, стр. 182, прим. 3). Упомянем из этого материала — в Ликии Σίδριμα, Κάδριμα, Πύριμα...; в Ликаонии Μαρσύμας...; в Киликии Πύριμος, и имена на -υμος, -μς; в Кариι Τεύταμος, Κίνξιμος, Ἀρλίωμος, Κεραιος...; в Лидии Γάμος, река Gogamus; в Мизии Περύαμος...; в Пафлагонии Σηλαμος, во Фригии Κίοναμος...; ср. также Κίσαμος, Κόαμος на Крите, гору Θύαμος в Акарнании (Греция) и др.

Из данных, почерпнутых мною из хеттских надписей укажу примерно и на следующие имена мест на -ma: *Kalašma*, *Valma* (в Арзаве), *Binarama*, *Hurma*, *Luhma*, *Ulama*, *Kuruštama* (упоминается вместе с городом *Gazziura*, существовавшим и в римское время около Понта), *Huršama*, *Aladarma* (в Ишуве), *Zuhma* (ср. *Suhme*), *Tegara(m)ma*, *Tarkuma* (от имени бога *Tarku*), *Zidubarhama*, *Attarimma* (в Арзаве), *Kammama*. Упоминается в Софене и имя города *Datima*.

Как видно из приведенных мною имен, форма городов клинописного периода оканчивается на -ma, тогда как в греко-римский период имеется для коренного „m“ большой разноречивой в его конечной огласовке. Несомненно форма суффикса на -ma отражает более древнее состояние и связывается, как уже было сказано, с локализирующим конечным гласным „a“, что видим не только в поименованных -anda, -sa, но также и в нижеследующих топонимических суффиксах -lta, -ha, -ina и пр. *

Наконец, эту же малоазиатскую древнюю практику обра-

¹ Хеттский язык, клинописный и иероглифический, столь близкий к лувийскому, даст, напр., следующие словообразования с посесивным -š(š) или -š(š)a: от имени *hila* „порт (притвор) храма“ образовано по-моему имя бога *Hilašši-š* (KUB. IX. 28. Col. III, 4'), что дословно значит „относящийся (принадлежащий) к портику храма“ (в роде русского „домовой“ от слова „дом“); *wilašši-š* „годовой“ от корня *witt-* „год“ (ср. *wittanza* „год“, *wittu* „в году“); *parašši-š* (только в вин. п. *paraššin*) „покровительствующий (бог)“; *iparwašši-s* (род птиц); *iugassa-s* „годовалый“ (животное) от *iuga-* „год“ (?); *nakkušši-š* „замещающий“; *kalmuši-š* (род птиц) и т. д. ср. также в хеттском иероглифическом *Luhša-s* *luhiwaš* „Luhian son“ (I. Gelb, Hitt. Hier., III, 21), окончание которого -ša-s *он сравнивает с лувийским -šša-s. Имеют обыкновенно в виду лувийский пример *malḥassasši s EN-as* „жертвоприношения хозяина“, где слово „жертва“ будет только *malḥašši(i)* ибо имеется и вин. п. *malḥaššin EN-an* с оборотом, подобным хеттскому *GALU-an SAG-DU-an* „человека голову“ (вместо *GALU-aš SAG-DU-an*), *ḡlšgłmmas-an ALAM-an* „Гильгамеша статую“ и т. п., где форма род. п. на -as заменяется формой его управляющего в вин. падеже.

зования топонимии на *-та* мы видим и в грузинском, где наличны имена городов или сел, как *Vežorma*, *Šaṭma*, *Zarṣma*, *Paṛsxma* и пр. с суф. *-mā* после основ на согласный звук, и имена *Suram(i)*, *Hogam(i)* (село в Джавахетии), *Okam(i)* (в верховьях Куры), *Dzegam(i)*... или *Thorthum(i)*, *Bathum(i)*, *Boržom(i)* и пр. с суф. *-m(i)* после основ на гласный звук. На территории Урарту-Армении этого топонимического суф. *-та* или *-m(i)* мной не засвидетельствовано. Грузинские формы на этот суффикс не только подтверждают малоазийское его происхождение, но и возможность определенного территориального его размежевания в связи с северо-восточной Малой Азией.

А ведь в одно время, оперируя только топонимикой греко-римского периода, некоторые исследователи, в том числе арменист-мхитарист Я. Ташян (цит. раб. стр. 182), имели определенную тенденцию эту топонимическую суффиксацию на *-m(a)* объяснить только на данных индоевропейских языков.¹

Для меня сейчас ясна *отыменная* производность этих топонимика на *-та*. Напр. *Pergam(a)* должно значить „высокое место“, имея в виду хеттс. *bargu* „высокий“ (и индоевр. соименные корни), *Tarkuma* — производное имя места от имени бога *Tarku*, также и *Datima* от имени бога *Dat(i)a*,² а *Teutamos* я объясняю от существовавшего когда-то в Малой Азии простого энтического имени *teut-*, что я вижу напр. в имени народа теутранцев (в Мизии, т. е. в западной Малой Азии).³ Имя города *Hurma*, если оно не есть *Gurma* в Ликийи, возможно стоит в связи с этническим *ḫurri* „хуррит“ (есть и бог *Hurri*). Наконец имя города *Aladarma* явно говорит за его производность от хеттского слова *aladdar(i)* „хлеб (в зернах)“, откуда и имя города *Aladar-ariza* (собств. „Зернопоселок“) греко-римского периода, в районе Себастии.⁴

¹ Между прочим в хеттском языке очень част суф. *-та* для отыменных и особенно отглагольных имен, как от *ekupa* „холодный“ имеем *ekupita* „холод“, от *aḫlaḫia* „чувствовать стеснение“ — *laḫlaḫita* „тревожение, досада“, от *teḫa* „греметь“ — *teḫita* „гром“, от *vanta* — „быть горячим“ — *vantema* „горятесть, гнев“ и т. п. (См. у А. Гетке в журн. *Klein. Forsch.* стр. 186—187). в роде арм. *խաթ* *xnat* „опека“ от *խաթի* *xnati* „щажу“, *զգաթ* *zgat* „чутье“, в *անզգաթ* „безтактный“ от *զգաթ* *zgat* „чую, чувствую“ и т. п.

² Если конечно, это *Datima* не есть заимствование из аккадского *datim-u* (*dadm-u*) „местечко“, как переводит это слово Br. Meissner („Beitrage zum assyrischen Wörterbuch“, Чикаго, 1931, стр. 35—37). Другие переводят через „поселок“ (*ibid*).

³ Быть может это этническое *teut-* первоначально значило „народ, толпа“ (и т. п.). В таком случае его можно было бы связать, хотя бы по внешнему звучанию, с урартским *tautuḫi*, что вероятно значило „толпа, караван“. Ср. также арм. *թառա* *thara* *thawth-kh* „многочисленная семья“ (из урартск. *thara* „много, очень, сильный“ и нашего *thauth* —, что на вид вторит герм. *thiud-* *diut*, литовскому и латышскому *tauta* „народ“).

⁴ Иногда на конечное *-та* наращается новое *-па* и получается сложное *-тапа*. Конечно не всегда ясен суффиксальный характер этого конечного *-та*. Напр. имеет имя хайасского города *Dukkama* при ишувийском городе *Dukkam(m)ana* с новым наращенным *-па*. Между прочим упоминается и имя города *Duqama* (*Dukama*) в

4. Суффикс *-itha (-ithi)*

У П. Кречмера и других приводится несколько имен мест на конечное *-ta*, как напр. каппадокийское *Σινδῖτα* при писидийском *Σινδῶ*, лидийские и писидийские — *Ἀδρόττα*, *Ἀζιόττα*, *Τριγύλεττα*, *Μαρούττα* и пр. Примечателен особенно первый пример, когда при простом *Sinda* имеется и производное *Sindita*. Это конечно *-ta*, как видим, имеет простой „t“, а не аспирированный „th“, что так сильно подчеркивается еще двойным „tt“ в других примерах, не говоря уже о возможности греческой азбуки передать аспирированное и неаспирированное „t“. В клинописной графике у хеттов эта разность передачи двух „t“ (аспирированной и неаспирированной) особо не отмечается, как это видим в аккадской или урартской графической передаче. Тем не менее, мне думается, что двойное писание „tt“ не столько обусловливается ударением на предыдущем слоге, как предлагают некоторые хеттологи, сколько качественным отличием двух разных согласных. Потому и с этим „t“ или „tt“ грекоримской передачи малоазийских имен я сравниваю и суффиксы *-tta* в хеттской передаче имен городов — *Tamatta* (в Хайасе), *Taşinatta* (KUB, XIV, 20=2BoTU. 64), *Işhupitta* (находился на дороге Комана—Птандарис—Осдара или же Ариаратиа—Гавраена—Таранта)¹ при наличии простого имени города *Işhuppa* (KBo, П. 5.III.37), *Turmitta* (*Durmitta*), находившегося рядом со страной Пала и городом Думанна (= *Δόμωνα* Птолемея в Малой Армении). Когда имеются такие различия, как *Sinda*—*Sindita* или *Işhuppa*—*Işhupitta*, то поневоле с этим суф. *-ita*, как и *-otta* в *Adrotta*, *Aziotta* и пр. и *-utta* (в *Marutta* и пр.) связывается какое-то новое значение, возможно уменьшительность. Это можно было бы поддержать параллелью в личных именах, где имеются, напр. хеттские — *Annita* (имя древнего царя), *Annitti* (женск. имя), при имени хайасца *Annia*. Особенно часты подобные суффиксы в хурритских личных именах из Нузи — *Ennita*, *Hupita*, *Ikita* (*Inkita*), *Ukita*, *Zikita* || *Zikata* (при простом *Zike*), *Akitta* || *Akittē* || *Akitti*, *Hasitte*, *Herşitta*, *Kaitta*, *Maitta*, *Ewitta* (при *Ewişti*), *Pukitta*... *Halutta*, *Jarutta* (женск. имя), *Karutti*, *Kintutti*, *Zunutti*, *Kartutti*., *Araitta*, *Karatta*, *Wiratti* и т. п. (см. *Nuzi personal names* [сокр. NPN], Чикаго, 1943 г., стр. 260 и 268). Не имеем ли подобное же *-at* в мужских именах *Šwšmāt* *Tašat* и *U(ṣ)Šmāt* *S(u)mbat*?

урартских надписях Аргишти I при описании его похода в ассирийские страны. Другое хайасское имя города *Halimapa*, откуда происходил хайасец Мутти, также имеет наращенное *-ma*, ибо судя по каппадокийским ассирийским надписям за два тысячелетия до н. э. в древней Каппадокии было туземное мужское имя *Halima* (см. F. Stephens, *Personal names from cuneiform inscriptions of Cappadocia*, New-Haven, 1928, стр. 39). Ср. также имя города *Wasumana*, где суф. *-mana* напоминает мне *-Imon* в именах городов *Dazimonitis* и *Phazimonitis* (у понтийского Комана) грекоримского периода.

¹ См. A. Götz, *Kleinasien zur Hethiterzeit*, стр. 9, прим. 4.

По данным армяно-грузинской топонимики с ее точным произношением выявляется мной наличие древнего топонимического суф. -itha (-lthl) на территориях северо-восточной Малой Азии (с Хайасой и Ишувой), как и в Грузии и Армении—Урарту. Так, напр., в Хайасе (районы верхнего Евфрата—Карасу) хеттские клинописи отмечают город *Arhita*.¹ В области Ишува (южнее Хайасы) был город *Erhita*, что собственно одно и то же наименование („Пограничный“) с частым чередованием перед „г“ гласных „е“ и „а“, как отмечается в хеттском, хурритском и армянском языках. В каппад. ассир. надписях отмечается город *Turhumit* в районе между Иозгатом и Мерзифоном. Затем хеттские клинописи называют имя города *Nahita* (KUB, XXI, 6a : 6, географический текст),² фигурирующего и в „хеттской“ иероглифической надписи из Андавала (I. Gelb. Hitt. hier., II, 17—18), в четырех милях южнее которого и сейчас есть село *Nighde*=*Nakida* арабских писателей. Далее я отмечу *Inzite* ассирийских надписей, передаваемое армянами в форме *Հանձիթ* *Handzith*, т. е. с аспированным „th“, хотя у Птолемея написано *Ἀνζιττ*. У армян передается через -ith также имя города *Ամիթ* *Amith* (= Дيارбекир). Наконец имеются села *Սեւիթ* *Sevith* (в Сасуне, севернее Нерджика) и *Մարզիթ* *Harzith* близ Битлиса (в районе Гюзельдере),³ имеющие суффиксом также -ith. Коренное *harz-* последнего имени налично и в имени места *Մարզան* *Harzan*, под которым понимаются, во-первых, те горы в Сасуне, что западнее гор Маратук (у верховьев реки Батман-су), а затем и большая область Харзан к сев.-западу от Редвана и Сгерда, между реками Мотки и Хазо, впадающими в Тигр.⁴

Но более разительные примеры для нашего топонимического суф. -itha дает грузинский язык, где есть напр. *Somxitha* „район

¹ См. у Э. Форрера в статье „Hajasa—Azzi“ (в журн. *Caucasica Fasc.*, IX, 6) с написанием *Ar-hi-ta* или *A-ar-hi-i-ta* (Bo. 2540, Vs. 43).

² См. E. Forrer, *Forschungen I*, Heft I, стр. 30.

³ Это село Харзит имело до 25 домов армян. См. у Эрикияна в его *Топонимическом Словаре* (*Հայաստանի Բնակավայրեր*), Венеция, 1900, стр. 365.

⁴ Мне думается, что корень *harz-* в именах мест *Harzith* и *Harzan* первично значил „жить, селиться“ (и т. п.) и пережиточно сохранился в арм. слове *հարձիթ* *hərgith* „хижина“, столь похожем на имя села *Harzith*. Передача древнего (и клинописного) „z“ в армянском через „с“ (Հ) наблюдается во многих случаях. Подобно суффиксальному чередованию -ith и -an имен *Harzith* и *Harzan* имеем также чередование *Sevith* и *Sevan* (село южнее городка и озерка Арчака, к востоку от озера Ван); *Haldita* (имя одного армянина в Бисутунской надписи) и *Xaldan* (местность); *Annita* (*Annitti*) и *Annai* (хурр. имя из надписей в Чагар-базаре); *Akitta*, *Akil-Tešur* (арм. *Ակիթ* *Akith* муж. и.) и *Akkan* (имя из Чагар-базара); *Մանիթ* *Manith* (муж. и.) и *Մանան* *Manan* (муж. и.); *Տիրիթ* *Tirith* (муж. имя) и *Տիրան* *Tiran* (муж. и.). Имена *Hald(i)*, *Man* и *Tir(i)*—известные боги. Теофорного происхождения по-моему и арм. мужское имя *Արիթ* *Artith* с тем же суф. -ith от имени урартского бога *Ardi* (бог солнца), как имеем от того же *Ardi* арм. имя *Artuxas* (помощник царя Оронта) с хурро-урартским обыкновенным суф. -ux (-uh). Семитическое -ith для имен женского рода не имеет отношения к нашему -ith.

армяв—Сомхита" (от *somexi* „армянин“), *Msxitha*, что дается у М. Хоренского (кн. II, § 86), но под влиянием обыкновенного груз. суф. *-ethi* (ср. *Imerethi*, *Šavsethi*, *Herethi* и пр.) сейчас произносится *Msxetha*. Грузинское же *-tha* в именах мест *Gubtha*, *Karantba*, *Curtha*, *Xandzitha*, *Varentha* и пр. есть несомненно окончание род. пад. мн. ч., что в древности так и звучало.

Имея в виду, что форма нашего топонимического суф. *-itha* очень древняя, выступает в клинописи чуть не с половины второго тысячелетия до н. э. и поддерживается также грузинским *-itha* в *Somxitha* и *Msxitha*, как и топонимическим *-ith* в *Xarzith*, *Sewith*, *Amith*, *Andzith* и пр. на территории исторической Армении, не говоря о греческих формах на *-itis* напр. в *Dazimonitis*, *Sisplritiz*, *Thospitis* и пр. (ожидали бы *-ithis*), я предлагаю его возникновение также связать с этими древними языками, в частности с формой творительного падежа на *-it* у хеттов (и протохеттов?) и на *ith* у грузин. Такое понимание предмета, как обладающего чем-то, легко могло стать и собственным именем, как, напр., в груз. именах *Thelavi* „место, обилующее вязью“ (от *thela* „вязь“), *Curthavi*., в арм. *Օրդնաւ* *Ordnav* „червивое“ (от *ordn* „червь“), *Կճաւ* *Kčaw* „щебенистое“ (от *kič* „щебень“), *Զիրաւ* *Dziraw* „место с кореньями“ (?) , *Սոկաւ* *Sukaw* „место с грибами“ (от *sunk* „гриб“) и т. п. В отношении же нашего *-ith*, как форматива твор. падежа, я бы указал на грузинские топонимические—*Xreithi*, *Kulbithi* (см. у Вахушта, стр. 75), *Nigo(z)ithi* (в Имеретии) „Орешняк“, а также на хеттское имя горы *Saliti* (в надписях Муршила II, см. КВо IV.4=2ВоТУ.58.В), упоминаемого близ Хайасы, в связи с кашкайцами „города“ Тибиа. Даже позднее имя понтийской крепости *Βαζυοιο-αριζα* (при Митридате Понтийском) я склонен понять как „поселок со свеклой“, т. е. „свеклообильный поселок“ с формой твор. падежа на *-id* (= *it*) от *բազուկ* *bazuk* „свекла“ (семасиологически ср. имена мест *Aladar-ariza* „Хлебо-поселок“, арм. *Sunkaric* „грибо-поселок“ и пр.).

5. Элементы *arsa-*, *muva-*, *basi*, *dasa*

Для первого элемента *arsa-* П. Кречмер в своей поименованной книге приводит несколько примеров, как *Ἀρταλᾶς* (бог солимцев), ликийские—*Ἀρταλῆς*, *Ἀρταπῆς* с женск. именем *Ἀρτῆς*, писидийские—*Ἀρτα* со сложным именем *Ἀρταρότης* и производными *Ἀρταμῆς* и

¹ Об этом суф. *-aw*, как возможном формативе тв. п., см. мою работу „Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении“, Ереван, 1940, стр. 110).

'Арзахъ, которые несомненно иранского происхождения и представлены также в армянских Արշամ Aršam и Արշակ Aršak от иранского корня arša- „медведь“. Ср. также малоазийское Δατάρτης, также приводимое Кречмером, что я отождествляю с персидским именем Dadaršiš, известным нам из бисутунской надписи Дария¹, как имя одного армина и перса. Значение этого Dataršī- должно быть „создание медведя“ (медвежонок), как имеются подобные значения в именах Վախրշ Vaxarš и Արշակ Aršak (имя одного албанского царя) с тем же значением „потомство медведя“ или „семья медведя“. Возможно, что не все примеры с элементом arša-, приводимые Кречмером, нужно объяснить в связи с иранским arša- „медведь“. Например, имя Arsala- и Arsapi- могут иметь и чисто малоазийское (хетто-хурритское) происхождение, тем более, что таких имен и суффиксов (-ala-, -api-,) из древне-иранских языков мне неизвестно. Для первого имени Arsala- (если это Арсала не из Arswala „медведя семья“) я бы обратил внимание на суф. -ala- (-alla-) в хеттских словах, имеющих отношение к людям с известной профессией, напр. ḫaršial(l)a- „пекарь“, špantuzzlala- „возлиятель“, aurlala- „защитник крепости“ от auri- „гарнизон, крепость“), pašandala- „повар“, genzuala- „милостивый“ и пр. и пр. На этом основании имя бога Arsala у солимцев могло иметь такое же значение производителя или учинителя чего-то. Даже ликийское имя Arsapi- своим внешним видом весьма напоминает хурритское имя Aršapu (Ar-ša-a-pu) из Нузи, подобно как имеется элемент arš- в именах Kuparsa (Kubarša) или Ḫuparša, Arsahala, Aršikia, Arziaddil, Arsienne и пр. (см. Nuzi pers. names, лист П. Пурвеса, стр. 205).

Второй словообразовательный элемент, приводимый Кречмером, это -mwa, что ставится и в начале имен, как Μωχύτης, Μωφέρνης, Μωτρίς, и в конце, как Ἐρμός, Ἀρχμός, Νηυνόμος и пр. Этот элемент -mwa был позже подтвержден в многочисленных личных именах из клинописного периода, о чем, имеется хорошая работа И. Фридриха „К малоазийским личным именам с элементом mwa“, в журн. Kleinasiatische Forschungen, Н. I, стр. 359—378. Этот лексический элемент сейчас переводят через „сила“ (духовная или физическая) и употребляется в таких личных именах-выражениях, как „Сила Митани“, „Сила льва“, „Сила богини Хепит“ (Нератиwa), „Сила богини Иштар“ (ISTAR-mwa) и т. д. С этой точки зрения поименованные греческие имена Ermova, Aramova и Nannamova должны

¹ Ср. также состав армянского имени Վախրշ Vaxarš и имени одного албанского царя Արշակ Aršak, которые дословно значат „семья (потомство) медведя“.

² Это иранское имя Dadaršiš производят из простого нарицательного dadaršī- = санскр. ददरुषि- „бесстрашный, храбрый“ (по Justi, Das iran. Namenbuch, 71 a; см. также Chr. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904). Но, быть может, Dataršī- в малоазийском Δατάρτης значило „создание медведя“, как семасиологически имеются Aršak || Vaxarš или Varazdat („кабанье создание“), Datar-mazd „создание Ормизда“ и т. п.

значить „сила (бога) Эра“, „сила (бога) Ара“, ¹ „сила (богини) Нана“ и пр.

Третий элемент -basi(s) встречается в именах 'Αρυνζαζς, Βουλῶ-βζαζς, Λόγζαζς и пр. (см. у Кречмера, стр. 366—367). Для последнего имени ср. имя Λογζμοαζς с другим элементом (-moa). Но что могло значить это -basi(s), произносившаеся несомненно -vasi(s), у меня нет для этого данных.

Более как будто поддается объяснению интересующий нас последний элемент -dasa, что Кречмер видит в малоазийских именах—Θετιῶααα, Μερνῶααα, 'Ερπιῶααα и пр. (см. у Я. Ташяна, стр. 185, прим. 6). Если выделение этого лексического элемента правильно устанавливается Кречмером, то по звучанию это -dase || -dasa отчасти походит на урартское taše, известное нам напр. из Кешишгельской надписи Русы I (строки 10—11): iu iṇi šue (tsue) taše terubi „когда для этого озера статуя (?) я поставил“. Затем в одной Армавирской дефектной надписи (в 13 строк, без срединного камня) читаем: ali taše amani bidt „что статуя (?), сосуд (?)“... Наконец, в сложном имени города Ankulrai-taše (в Софене) также читается интересующее нас это слово, прибавленное к имени города Ankulra в форме род. падежа на -i, свойственное урартскому (ср. напр. Menua-i, Rusa-i и пр.). Так что все имя этого города должно значить „Анкулры-статуя“ (изображение, рельеф и т. п.), а если начальное ап- принять за идеограмму бога, то и получится „город статуи бога Кульра“ (бог Kulra мне неизвестен). Хурритский язык также имеет это слово taše, напр. в письме Тушратты (Col. I, 85', 88', 92' и пр.) во множ. числе (ta-še-e-e-na¹). Это слово обозначает ценный предмет, который митаннийский царь выпрашивает в числе других предметов у египетского фараона. Перевод Мессершмидта через „священный подарок“ (Weihgeschenk) менее определенный чем мой перевод „статуя, изображение“ и т. п. В хурритских личных именах из таблиц в Нузи и др. мы также читаем это имя, но с двумя sa, как

¹ Не исключается и возможность перевода „сила орла“ ибо ага (=хеттс. ḫata ḫarapa „орел“) в значении „орел“ существовало видимо во многих малоазийских языках. Ср. хотя бы в хеттском иероглифическом ребусовидное писание. А+изображение птицы (орла)+ra-sa=Aerara-sa (см. I. Gelb, Hittite hieroglyphs, II, 19). Было и созвучное малоазийское женское имя, переданное греками через 'Αραρα, где -ρα ссть такой же суффикс, как и в женском имени Βρυγινδαρα от имени города Bruginḏa, находившегося в Малой Азии.

² Этот город я отождествляю с современным населенным пунктом (судя по карте) Ангуран, находящимся между Харбердом и Балу, на северной стороне реки Мурад-чай (Арацани). В надписи Сардвра на скале между Изоглу и Кумурхан, на берегу Евфрата (против Малатии), на строках 28—31, помимо этого города Ankulrai taše, упоминаются и города—Hazani, Urahi, Aruši, Kulbiḫarni и пр., с которыми я сличаю современные (судя по карте)—Хозан или Хознгах, Уррек, Алус, Колоберд (на реке ԴՂԻ Khāli=Кегі, у устья), что по древне-армянской передаче Կոլո-բերդ Koło-berd („Кола-крепость“) соответствует нынешнему Бердак, дословно значущему „Крепостца“.

это вообще свойственно графике надписей из этого места (ср. в письме Тушратты *ela/i* „сестра“, *en/e* „бог“, *šala* „дочь“, *šepa* „брат“ и пр. при нузийских *eili*, *enpi* (*енпа*), *salli*, *šenni*). Эти сложные мужские имена следующие: *Amitašši* (царь города Каллару), *Mittartašši*., *Dannatašši*, *Batatašši* (*Patatašši*), *Serpatašši* (см. *Nuzi personal names [NPN]*, Чикаго 1943, стр. 263). Для последнего имени я бы обратил внимание на хеттское *GIS šarpa*—род дерева („brushwood“, *verbenae*? см. у Стургеванта в его *Hitt. glos.*, II, стр. 135), так что хурритское *Serpatašši* могло значить „фигурка из дерева š.“.

*

Теперь перейдем к рассмотрению тех топонимических суффиксов или суффиксируемых лексических элементов древней Малой Азии, кои до сих пор не были отмечены ни у П. Кречмера, ни у других, имея ввиду, что клинописные богатые материалы им еще не были доступны.

6. Суффикс *-ha*

Устанавливаемый мною топонимический суффикс *-ha* представленный в многочисленных примерах древней восточной Малой Азии с охватом хурро-субарских и урартских стран, восточнее Евфрата, генетически мною увязывается с известным в этих языках суффиксом отношения или принадлежности (поссесивности), звучавшим *-hi* или *-he* (реже). Последняя же их гласная *i* || *e* заменяется в топонимике гласным „а“, как подобное же явление мы уже видели и в других случаях, для оттенения принадлежности *по месту*.

В урартском притяжательный суф. *-hi* (= рус. *-ский*) употребляется в отчествах, как *Menuahi*, *Sardurihi* и пр., что собственно значит „Менуйский“ (= Менуевич), „Сардурский“ (= Сардурович) и пр., как и выступает в именах стран этнического или личного происхождения, как *Etihi* (|| *Etiuni*), *Welikuh* (|| *Welikuni*), *Urmentuhi*, *Wihiruhi* (страна рядом с Колхидой), *Diauehi*, *Eriahi*, *Er(i)kuahi* и т. д., причем последние две страны иногда имеют и детерминатив лица. Возможно даже, что *-hi* входит в сложный суффикс *-alhi*, напр. в *Buinihi* „буиниец“, *Meliṭealhi* „мелитеец“, *Huṣaalhi* „хушец“ (от имени города Хуша) и т. д., если конечно тут не имеется самостоятельного слова *alhi* „дом, род“, о чем см. ниже. Но урартский язык из этого *-hi* не создал нового топонимического суффикса *-ha*, как это сделали субаро-хурриты. Значение урартск. *-hi* правильно было прослежено еще в 1882 г. А. Сейсом (в журнале *IRAS*, стр. 434) и Леман-Хауптом (в „*Zeitschrift für Ethnologie*“, 1892 г., стр. 143) и вместе с хурритским *-hi* || *he* основательно было разобрано И. Фридрихом (см. журнал *Analecta orientalia*, Roma, 1935 г., № 12, в статье „*Zum Subaraischen und Urartäischen*, стр. 122—128). Этим от-

падает мнение некоторых, что в урартском первично было *-hīni*, а затем с отпадением *-ni* получилось новое *-hi*.

О субарском суф. *-hi* для прилагательных принадлежности говорили, судя по названной статье Фридриха, еще ученые Э. Форрер (ZDMG, NF., 1, стр. 227), Ф. Грозный (ZA., NF., 4, стр. 173; Arch. Orient., 1, стр. 97) и Тюрю-Данжен (Syria, 12, стр. 258 и сл.). Ср., напр., следующие примеры на *-hi*: 1) Хепит прекрасная из города Уда (удская), Кизватна, Халпа и пр. (Hepit mušni URU Uda^{hi}, URU Kizzuatna^{hi}, URU Halpa^{hi}), что мне так напоминает арм. сложение *Տորք անգելայ* Torkh Angelea^{hi} „(бог) Торк из города Ангел“; 2) имеются боги „мужские“ (duru^{hi}) и „женские“ (ašdu^{hi}), причем фигурирует и муж. личное имя Turu^{hi} (в хурритских таблицах из Нузи, см. NPN, 270); 3) имеем этнические hurru^{hi} „хурритский“ (напр. hurru^{hi} umni „хурритская земля“), hatt^{hi} „хеттский“; 4) имена богов Biten^{hi} („водяной“? от wilep-), Piša(l)šar^{hi}, Tarpanlu^{hi} („терпентинное“ божество), Hašuntar^{hi} (божество ревени), Šuru(h)^{hi} и пр.; 5) разные субстантивированные прилагательные rašith^{hi} „вестовой, посланник“ (от *raš-* „посылать“), bišith^{hi} „засов“ (от семитич. bit-у „дом“), teša^{hi} „старший“ и т. п.

Но нас здесь специально должно интересовать не вышеназванное хурро-урартское *-hi* в словообразовании прилагательных принадлежности, становящихся субстантивированно и именами мест, сколько образовавшийся из него суф. *-ha*, со специфическим конечным „а“ для локальности. Этот суф. *-ha* мы видим не только в топонимике восточной Малой Азии, к востоку от Ефрата, на территории Армении, но видимо и в Закавказье.

Сперва возьмем топонимику с суф. *-ha* только по клинописным данным. Есть, напр., города: Alal^{ha} (ср. также город Lal^{ha} в 2BoTU 60.11.54'), Kunzur^{ha}, Паран^{ha} (что значит „горная“), Pima^{ha} (KBo. 11.9, Col. I), Tašma^{ha} (2BoTU. 60.11.27), Samma^{ha} (2BoTU. 48. § 29) рядом с городом Zulu^{la} = Зиле в Понте), Gašmia^{ha} (в Хайассе), Šamu^{ha} (KBo. VI. 28), Kuma^{ha} (2BoTU. 34 = совр. Кемах на Евфрате, столица Хайассы), Kurid^{ha} (2BoTU. 65), Karlapa^{ha} (KBo. 11. 31. Vs. 5), Marīštal^{ha} (ibid., есть и город Marīša, видимо тождественный), Arrapa^{ha} (соврем. Керкук), река Kumišma^{ha} (2BoTU. 66) и т. д.¹ Из

¹ Мне думается, что имя города Эдессы-Урфы, армянского *Արփա* Ur^{ha}, греч. Orchoe (откуда и Orchoene с суф. *-ene*), не нужно возводить к этническому имени Хурри (Churri), как делал Фр. Грозный, этимологизируя с аккадским словом *hur-ri* „тыра, пещера“, которых у этого города очень много (см. Arch. Orient., 1b29 г., Vol. I № 2, стр. 18 и сл.). Скорее всего тут был город Ур (Ur), наращенный топонимическим суф. *-ha* (Ur^{ha}), а ведь такой факт мы видим и в имени городов Marīša и Karlapa, передающихся также с суф. *-ha*, т. е. Marīša^{ha} и Karlapa^{ha}. В одной надписи (KBo. 11. 9. Col. I) принимается ишневийская Иштар из разных городов, в том числе из города Ури (Ura), что если не есть месопотамский Ур или хайасская крепость Ура, что очень сомнительно, то тут имеется вероятно этот Ур северной Сирии, представляемый не только в форме Ur^{ha} (с суф. *-ha*), но быть может и с суф. *-išša*, ибо на карте рядом с Харраном упоминается и город Urušša.

них Kummaḥa и Samuḥa упоминаются в разных местах: есть Kummaḥa в Хайасе, но и в северной Сирии, около Каргемиша (упоминается и в урартских надписях Сардура), как есть Samuḥa в „Верхней Стране“ (западнее Хайасы), до которого доходили хайассо-азийцы, сделавшие этот город своей границей, и другое Samuḥa, видимо в северной Сирии, судя по договору, заключенному хеттами с аморритским царем Дуппи-Тешупом. Само же имя Samuḥa, как в Šam-maḥa (так тоже имеется), мне представляется образованным из азианического šam(m)- „камыш“, что видим в арм. շամբ šamb, груз. šambnarī, šambianī и пр., не говоря об аккадс. šamm-и „растение“, так что все слово Samuḥa (Sammaḥa) первично значило „камышевое место“, т. е. Камышин, Камышинск.

В топонимике Армении также сохранилось много имен с конечным -ах (-ախ), если конечно некоторые из них не получились из -аі (-աղ). Имеются, напр.: Էրախ *Eraḥ* и Գառախ *Khasaḥ* в районе Моткан (Битлисского вилайета); Տաթախ *Sataḥ* в Тароне, как район, но и в Моксене, как городок (южнее Битлиса), хотя дается и Տաթաղ *Sataḡ* в Сюнии (см. у Ст. Орбеляна. Тифлис. 1911, стр. 513); Արթախ *Arthaḥ* в Арзанене (Աղձնիք); Կառախ *Kamaḥ* (в Малой Армении, из хайасского Kummaḥa) и Կառախ *Kamaḥ* в районе Рахва севернее Битлиса. Есть также имена с конечным -ах из Сюнии и современного Карабаха, как Արցախ *Arçaḥ* или Արծախ *Ardzaḥ*, древнее название Карабага, затем имя района Այլախ *Ajlaḥ* в Сюнии, имя одного местечка Արծախ *Ardax* в области Хачен, в Албании (см. у С. Орб., 278), хотя по Азарию Фридону сообщается и имя села Արծախ *Ardax* в Айраратской области у Джахука при реке Аракс, что ученый Алишан приурочивал к древнему селу Որդոք *Ordokh* (см. у Эприкяна в его „Топонимическом словаре“, стр. 282). Все эти албано-сюнийские имена на -ах, как и современные Шамаха, Самух и пр., могут генетически иметь совершенно иное происхождение.

Особенно хочу подчеркнуть большое количество топонимических названий с конечным -ах, -ех, -ха в Грузии. Древнемалоазийский вид (с суф. -ha) дают имена юго-западных частей, ближе к северо-восточной Малой Азии. Таковы имена сел Օսա *Osxa* (ср. *Ogḡḡ* *Oḡḡ* имя реки у Ахалцыха), Գրգա *Khəḡḡa*, Թեթա *Thəḡḡa*, *Borčḡa* и пр., упоминаемые в районе Тортума и Чороха (судя по карте). Есть также в Джавахетии имена сел *Нуха* и *Карцах* (Կարծախ). Ср. также напр. *Метехи*, *Карданахи*, *Модибнахе*, *Хундзахи* (Вахушт, стр. 96, 98), *Лагодехи*, *Мацехи*, *Катехи* (у Закатала), хотя здесь может быть и другое происхождение (ср. утийское -хе „вода“). Грузинское нарицательное слово *vepaḡi* „виноградный сад“ также может говорить своим конечным -хi о бывшей живучести трактуемого нами азианического суф. -ha, как и о том, что основа *vepa-* „виноград“ есть также местное слово, перешедшее и к индоевропейским народам.

Как видим из всего вышесказанного, экспансия имен (слов) с суф. *-ha*, как топонимических названий, происходя из субаро-урартского языкового мира, простиралась на север довольно далеко, охватывая восточную Хеттию, Хайасу, Грузию.

7. Суффикс *-ua (-wa)*

Этот топонимический суффикс *-ua (-wa)* восточной Малой Азии мной также устанавливается и объясняется на субаро-хурритской языковой почве, подобно вышеприведенному *-ha*. Этот суф. *-ua (-wa)* я вывожу из протохеттского и хурритского окончания родительного падежа на *-we* с прибавлением локализирующего „а“ вместо конечного „е“, как из поссесивного суф. *-hi* или *je* получили новое топонимическое *-ha* или из подобного поссесивного *-ši* (=флексия род. падежа ?) имеем в клинописном периоде малоазийское *-ša* для подобных же топонимика.

Область распространения нашего топонимического суф. *-ua (-wa)* не только восточная Малая Азия, но и северная Сирия и Месопотамия со включением территории собственной Ассирии, где ко второй половине второго тысячелетия до н. э., судя по надписям из Нузи, Мари и пр., был весьма силен субарский (хурритский) элемент. Даже само имя столицы Ассирии Ниневия хурритского происхождения, звучало *Niua* и было основано хурритами Ушпия и Кикиа. На территории Урарту я не знаю подобных топонимических образований на *-ua (-wa, -uwa)*, что нужно объяснить тем, что урартский язык имел в род. п. ед. ч. флексию „-i“, а не „-we“, как в хурритском, хотя род. и дат. п. мн. ч. в урартском оканчивался на *-awe* (напр. *LUGAL eṣelawe* „царь царей“, *Blaiṣawe ušmaše* „Бизайне на славу“ и т. п.).

Примеров топонимики на *-ua (-wa, -uwa)* очень много. Я ограничусь перечислением их только из анналов хеттского царя Муршила II (1345—1320): *Ankuwa, Haranuwa, Hattenzuwa, Kapparuwa, Kargassuwa, Kadḫalduwa, Midduwa, Padduwa, Sapidduwa, Dankuwa* (Тап-кува), *Tarapanuwa, Zimumuwa* (см. A. Götze, Die Annalen des Muršiliš, Лейпциг, 1933 г., в 38-ом томе „Сообщений переднеазиатского-египетского общества). Хотя многие хеттологи транскрибируют через *-ua* (*Ankuwa, Dankuwa* и т. п.), тем не менее не исключается и возможность писания с *-uwa*, имея ввиду, что самый корень мог оканчиваться на *-u*, как, напр., имеем имя города *Zimutmu-š*, но и *Zimutmuwa s*, если конечно тут не имеется слова *muwa* „сила“ (ср. подобную возможность и в имени города *Kattitimuwa*). Но с другой стороны имеются формы городов *Zalpa* и *Zalpu(w)a*, *Halpa* и *Halpu(w)a*, где, конечно, первоначальная основа оканчивается на „а“. Имя города *Sarandu(w)a* явно говорит за первоначальное *Saranda* с обыкновенным суф. *-anda*. Ср. также имя города *Tuwanu(w)a* и его позднюю передачу у грекоримлян в форме *Туана*. Имена городов

Dallawa и Ingalawa возможно составлены из суф. -иа (-wa) и гласной основы Dalla- и Ingala-.

С внешней (фонетической) стороны, но едва-ли и по содержанию, т. е. генетически, с нашим суф. -иа (после согласных) или же -wa || -u-wa || -a-wa || -i-wa (после гласных) дублирует мегрельский суф. -иа после согласных (как Gotua, Stugua и пр.) или же -wa после гласных (как Ležawa, Eliawa...)¹ Оставляю вопрос о конечном -иа в урартских именах Menua, Inuspa.

8. Суффикс -ina

Этот топонимический суффикс встречается в многочисленных именах городов и стран восточной Малой Азии, Урарту и хурритского этнического мира. Его морфологический источник — обыкновенный суффикс принадлежности -ini, столь частый в урартском и хурритском. Нет его в хеттском. Замена же последнего гласного „i“ на „a“, подобно уже столь много отмеченным случаям, дает новое уточнение отношения по месту.

В урартском имеются, напр., следующие поссесивные прилагательные на -ini: *Sardurini* „Сардуров“ (напр. *Sardurinili kurili šatuali* „Сардуровы ноги он обнял“), *Teiše baini* „Тешупов“ (напр. *Teiše baini URU* „Тешупов город“ в надписи из „Кармир-блур“), *Menuaini* „Менуев“ (напр. *Menuaini sila* „Менуева жена“), *alusini* или *alawini* (реже)² „господний“ напр. *alusinini alsuišini aliabadi* „господним величием я укрепился“ (?),² *Haldini* „халдов“ (напр. *Haldinini baušini* „халдовым словом“) и т. д., но это -ini приобретает и лично-генетивное значение, напр. *biaini še* „биаец“, *luluini-še* „лулуец“, *alzini* „алзиец“ в собственном имени страны *Աղձնիք* *Alḏzni-kh* (=греч. Арзанена) от простого имени той же страны *Alzi* (resp. *Alši*).³

Хурритский язык также дает примеры на поссесивные прилагательные с суф. -ini, что пишется также через -ine, ene, -eni. Напр., имеем *Elamine-we* (род. п.), *Lulluene-we* (род. п.) в выражении: *au¹ Autalumman ipri ewirne URU Elaminewe* „смотри на Ауталума, царя государя города (=страны) эламского“,⁴ или напр. *DINGIR¹-na URU Hatteniwina uminiwlina* „боги (города) хеттской страны“ (с конгруенцией на грузинский лад: *hattini umini* „хеттская страна“ поставлена в род. п. *hattiniwe uminiwe* с окончанием род. п. -we, но и с перенятием -на управляющего слова *DINGIR-na* „боги“, что фонетически звучало бы енна).

¹ Н. Мирр. этот мегрельский суф. -wa || -иа || -ia (из -iwa) связывал с абхазским -ба в тех же фамилиях и со значением „сын“.

² С этим урартским *alau-* „господь“ я бы сравнил хурритское *allai* „государя, госпожа“, сказанное о богине Иштар.

³ Русское (славянское) поссесивное -ин (напр. дядин, сестрин и пр.) также потерпело такое же изменение в смысле лично-генетивного применения, как имеются, напр., русин, жмудин, литвин, мордвин, лезгин и пр.

⁴ См. J. Friedrich, *Kleinasiatische Sprachdenkmäler*, Berlin, 1932 г., стр. 85.

В одно время, естественно очень древнее, под одним и тем же наименованием передавалось значение и страны и народа, как напр. *Русь* значило и то и другое. Подобное же общее значение передавали напр. *Hatti* (= у урартцев *Hate*), *Ar(i)ne*, *Hurri*, *Aššur*, *Urartu* и т. п., но в дальнейшем возникла необходимость оттенить разность их значения, что для этнического (личного и пр.) содержания морфологически выявлялось посессивными частицами, прибавляемыми к корню слова, и получаем, напр., от общего „Русь“ новое „русин“, „русский“..., от общего *Hatti* — *hattini* „хеттин, хетт“, от общего *Arime* новое *ar(i)mini* „ар(и)мин, ар(и)мец“ и пр., а отсюда уже получается также новое оформление места этих людей, как *Ḫattina*, *Urartina*, *Armina* и т. д. с локализирующим конечным „а“. Фактическое наличие (но не объяснение) этого топонимического *-ina* давно было признано и другими.¹

Можно здесь привести много таких образований на суф. *-ina*. В анналах хеттского царя Муршила приводятся напр. имена следующих городов (стран): *Iština*, *Humessina* (по Форперу — *Armessina*), *Tartina*, *Walkina* и гора *Tešhina*. В других текстах упоминаются также города (страны) — *Turaina* (2Bo TU.40), *Hattina* или *Hattena* (2Bo TU.37 и 44), *Almina* (2Bo TU.41), *Kuzaštarina* (2Bo TU.51.B), *Dakkuwahina* (2Bo TU.61.B), *Lihzina*, *Hattarina* и т. п. Имя *Dakkuwahina* образовалось из хурритской формы *dakkuwahi* (с суф. *-hi*) „дакувайский“, что корнем сближается с именем города *Dankuwa*, находившегося на границе со страной Хайаса. Подобное же образование видим и в урартской топонимике, как *Rusahina*, *Argištišina* и пр. Двойной суффикс мы имеем и в именах городов *Kuzaštarina*, *Ḫattarina* и пр., где уже готовый и осознанный суффикс места на *-ina* наращивается к основе слова с суф. *-ar*, показывающем по-моему принадлежность к

¹ Из прежних ученых еще напр. Леман-Хаупт предлагал этим *-ina* понять значение „город“, переводя *Haldina* „город бога Халда (это имя как раз и отсутствует). К стати нужно заметить, что урартские такие формы на *-ina* воспринимались в языке как множественное число, быть может ложно этимологизировавшись. Напр. от *Bia-ina* „страна (*-ina*) племени биа“ („*Biaisches Land*“ как говорил и И. Фридрих) имеет в род-дат. надежах окончание *-a(we)*, сродное с хурритским *-we* (для ед. ч.). Ср. также *KUR Luluinawī*, *ḪRusahinaue* (= *Rusahinawe*), *KUR KURpī-
we, isinaue mušitinau(e)* (в Кешиггельской надп. 3', 23') также флектируются *KUR Urmewe-edia* „в страну Урме“, *KUR Arḫawe-edia* „в страну Арха“ и т. п.). Из новых ученых Игнатий Гельб суф. *-ina* называет „географическим окончанием“ напр. иероглифически (из Каргемиша) написанное хеттское имя места *Sagurina* (с детерминативом „река“) он переводит „country (*-ina*) of the river Sagur“ (см. его *Hitt. hier. I*, 26). Само же имя области Сагурина известно нам и из ассирийских надписей (см. R. Boudou, *Liste de noms géographiques*, в журн. *Orientalia*, Nos 36—38, 1929, стр. 152; см. у Гельба, там же). Быть может, и часть и-г имени реки *Sagur* также есть суффикс. Другой американский ученый Уотерман в своей работе *Royal correspondence of the Assyrian Empire*, ч. III (изд. в Мичигане), на стр. 208, говоря о форме *Samirina* образовавшейся из *Samaria*, суф. *-ina* окредецирует в этом *Samirina* как „*Gentile form of Samaria*“.

племени, лицу или месту¹, т. е. я предлагаю это -ar(i) понять здесь аналогично мегрельскому такому же суффиксу в *odışari* „одишец“, *opizari* „опизец“, *olthısari* „олтисец“ (с двойным суффиксом), *somxıthari* „сомхитец“ (=армянин) и т. д., о чем впервые обстоятельно говорил акад. А. Шанидзе. Конечно такой же функции -ar имеем и в армянской передаче топонимических образований *Գուգարք* *Gugar-kh*, *Շանարք* *Tsanar-kh*, *Կանգարք* *Kangar-kh* и пр.¹ Этот так сказать поссесивно-генетический суф. -ari наконец обильно представлен по моему и в самой хурритской личноименной ономастике, как *Kiları*, *Bagarı*, *Titinari*, *Erwinari*, *Arenari*, *Haraparı*, *Işuhrarı*, *Kizarı*, *Wırrarı*, *Warharı*..., что по моему никакого отношения не имеет к хурроурартскому глаголу *ar-* „давать“, как хотят трактовать некоторые ученые. В армянском языке это *ar-*, как этно-генетивный суффикс, я вижу в сложном суф. -aren или eġēn, как *ġınarēn* „по китайский“, *jınarēn* „по-гречески“, *hajerēn* „по армянски“ и пр.

Между прочим армянская и грузинская словотворческая практика не сохранила нам топонимических образований на интересую-

¹ Формы *hattar-* и *kuzařtar-*, по моему хурритские со значением „хаттец“, „кузаштец“, от имени мест *Hatti* и **Kuzařta* (город). Последнее имя, быть может, сохранилось в греческой передаче *Κούζιστρος*, каковой город находился на дороге от Мажака (Кесария) на Туана (=хеттс. *Tuwan-na*), что севернее Киликии, бывшей *Kizwatna*. Отождествление греч. *Kuzistra* с клинописным *Kuzastarina* может быть принято при условии выражения греческой формой старого **Kuzastara*, т. е. „места (-а) кузастца“ от имени племени и местности **Kuzast-*. Клинописное *Kuzařtar-ina* своим -ar говорит также в пользу того, что этот город должен был находиться в хурритской этнической среде, тогда как в Кизватне-Киликии, а возможно и несколько севернее (у Туаны) говорили по лувийски. Ср. такое же местное (лувийское) нареканье хеттского населенного пункта („города“) *Hattinz-ua* (см. у нас стр. 26). Между прочим в трактате, заключенном между царем Кизватны Шунашурой и хеттским царем, не названным по имени (вероятно Муваттали, сын Муршила II), при описании размежевания границы между Кизватной и Хеттией упоминается пункт *Duwattarina* (см. A. Götz, *Kizwatna and the problem of hittite geography*, New-Haven, 1940, стр. 61), что по виду очень напоминает вышеприведенные имена городов *Hattarina* и *Kuzařtarina*. Но так как перед ним стоит детерминатив *TUL*, т. е. „источник, родник, колодец“, то это дает мне основание иначе трактовать это имя. Возможно здесь имеем сложение из обыкновенного хетто (лувио)-хурритского *watar* „вода“ (с 1-од пад. *wetenař* в хеттском, к чему ср. и имя хурр. божества *Biten-U* из *Witen-hi* „водяной“). Начальное же *du-* могло значить „два“ и следовательно все имя *Duwattarina* должно значить „место (-ina) двух источников“.

¹ Район *Կանգարք* *Kangar-kh* с одноименными горами¹ находился в южном углу Гогарены на стыке с Арменией. Это имя дословно значит „кангцы“, т. е. из племени кангов, о чем у меня см. также при объяснении суффиксированного слова -war. Близ этого места находилась и крепость *Thuxarisi* (=арм. *Թուխարի* *Thuxars*=нын. Херес, по Н. Адонцу). По моему *thuxat* значит „тухец“ и это этническое имя я хочу видеть и в имени *Տուխազ գավառ* *Tuhaç gawağ* т. е. „область тухов“, что приводится в армянской древней народной легенде об отроке Вардгесе, который отколовшись от своих тухов, приходит по реке Касаг (*Գասաղ*), с севера на юг, к нынешнему Вагаршапату (Эчмиадзину), где была стоянка прибывшего с юга армянского царя Ерванда, иначе говоря часть тухов примкнула к хайо-армянс. племени коллективу. Есть сообщение об этих тухах также в армянском переводе грамматики Дионисия Фракийского, где для этого этнического имени дается при-

щее нас *-ina*, быть может потому, что эти языки не образовывали отчужденных поссесивных прилагательных на *-ini*. Армянский язык между прочим имеет подобный суффикс, звучащий *-in*, но при-бавляемый к прилагательным, как от *veg* „верхний“ имеем *verin* (id.), от *stor* „низкий“ — *storin* (id.), *muth* „темный“ — *məthin* (id.), *aṭaṭ* „вперед“ — *aṭaṭin* „первый“ (собств. „передний“) и т. д. Повидимому, в до-письменный период был и подобный суф. *-in* для отыменных прилагательных, что я усматриваю субстантивированно в словах *lusin* „луна“ при *lojs* „свет“, *amusin* „супруг“ (из *am* „оба“ + *us* + *in*), *aṭaxin* „рабыня“ (от *aṭx* „челядь“), *darbin* „кузнец“ и пр. Правда у нас есть и суф. *-ajin*, как *daṣṭajin* „полевой“ от *daṣt* „поле“, *erkajin* „небесный“ от *erkip* „небо“ и пр., но это *-ajin* имеет сложное происхождение и для нашей топонимической цели бесполезно. Нет сомнения, что имена арм. сел иди городов, как *Karin* (Эрзерум), *Thalin* (на Арагаце), *Artin* (гора, там же), *Paṭin* (в разных местах южной Армении), *Alin* (Улх около Ани), *Murnin* (село в Дерсуме) и пр., отражают старое *Karina*, *Thalina* и пр., т. е. с конечным топонимическим суф. *-ina*.

Под конец считаю не лишним в связи с нашим суф. *-ina* обратить внимание и на подобное явление в индоевропейских языках. И там есть поссесивный суф. *-in* для отыменных прилагательных, как в латинском — *divinus* „божественный“ от *deus* „бог“, *marinus* „морской“ от *mare* „море“, в греч. *kērimos* „восковой“ от *kēros* „воск“, в славянском *дядин*, *сестрин* и т. п., в персидском — *sangin* „каменный“ от *sang* „камень“ и пр. и пр. А отсюда получают и топонимические образования — как лат. *Argentina*, *Florina*, греч. *Korduēnē*, *Gogarēnē*., русские — *вотчина*, *родина*, *долина*, *рытьина* и пр. и пр.¹ Конечно, никто не будет ставить вопроса о заимствованности, влияния или их происхождения из одного общего источника, тем более, что в хурритском эти образования заходят за третье тысячелетие до нашей эры. Тут мы имеем независимый друг от друга, но общее глоттогоническое явление, вне зависимости от фактических схождения или расхождения в этих двух типах языков, но конечно в зависимости от мышления при образовании топонимических поня-

писка — комментарий „грузины“ (см. у Н. Адонца, Дионисий Фракийский и его армянские толкователи, стр. 20). В языке индоевропейских тохаров, которые жили когда-то в Закаспийских просторах, есть очень много такого, что принадлежит только хеттскому языку (как и латинскому). Не говорит ли это в пользу пребывания этих тохаров когда-то у нас? Ср. существование и иранского племени мардов в том же Закаспии (у р. Мургаб), если правильно объяснение имени района *Amrd* из **Amrd* (ср. греч. *amardoi*). тогда как большая часть этих мардов была у нас в пределах территории исторической Армении. Наконец, я предлагаю в имени арм. *Ջուղա* *Guḡar*, потомка *Шары*, также видеть этногенетический суф. *-ar*, и следовательно, предположить существование „гуш“-ов, как одного из скифских родов или племен.

¹ Но уже другое значение приобретают с тем же суф. слова — истина, сидина..., дубина, картина, хворостина, детина и т. д.

тий в связи с поссесивными словами, и тем самым отбора соответствующего языкового инвентаря, морфологических элементов и морфотехнических способов составления этих новых слов, что в конечном результате иногда дает сходные на вид результаты.

9. Суффикс *-al(i)*

Этот словообразовательный форматив наличествует преимущественно в топонимике северо-восточной Малой Азии, в частности в районах малой и Высокой Армении.

Так, напр., имеются имена армянских областей *Մանապալի* Manapali или *Մանանապալի* Mananapali с суф. *-ali* и корнем *man-* и *manap-*, что отражает этническое имя таппа „маннеец“ (клинописное *Maṭṭa*, библ. *Mipni* в районе Урмийского озера).¹ В Высокой же Армении есть и область *Մարդապալի* Mardali с тем же суффиксом *-ali*, прибавленным к этническому имени иранского племени мардов, имевших столь большее распространение (ср. *Մարդաստան* Mardastan, что лежало к северу от Ванского озера вплоть до Арарата).² Такой же топонимический суф. *-ali* носит и *Դարանապալի* Daranapali, т. е. район современного Камаха в Малой Армении, что у Птолемея передано через *Δαρωνισσα*, т. е. с другим топонимическим соценным суффиксом *-issa*. Упоминается также местность *Artalis* (город?) в Армении, без точного географического определения на границе между Византией и Персией. Несомненно и тут имеется суф. *-ali*. Этот же топонимический форматив нужно видеть и в древнем названии современного Битлисского ущелья, звучавшего у греков (у Георгия Кипрского) — *Kleisura Balaleisōn* (см. у Адонца, стр. 225). Основа *Balalei-(isi)* получилась от *balali*, подобно как имеем *Mardali*, *Manpali* и пр., и имеет по-моему также этническое происхождение в связи с племенами балов или палов, известными нам еще с хеттского времени и вместе с хайами переселившимися в Урарту (ср. армянские имена города *Bal-eš* „Битлис“, района Бала-овит, города Балун, княжества Палуни, местечка Палин (*Պալին*) и т. п.).

Затем, как известно, римские дорожники сообщают нам пункты *Dagolassus*, что между Зарой и Никополем, и *Megalassos* между Доганисом и Месоромом, т. е. на пути между городами Себастья и Никополь в Малой Армении (см. у Н. Адонца, стр. 76). Известны нам также *Sabalassos* и *Salmassos*, что дает нам основание форму

¹ По Н. Адонцу этот район (область) *Man(ap)ali* находился на верховьях Евфрата, восточнее Акилисены, у Держана, и простирался от гор Багир-хач на север до реки Тузлу, причем южный и главный ее приток отделял Маналию от Держана, а течение Евфрата до Котера — от Акилисены (см. „Арм. в эп. Юст.“, 52).

² Мардалия простиралась на северных покатостях Бингельских гор до пределов Карина... с запада Мардалия примыкала к горе Меледух, тождественной с Хялхалскими горами“ (*ibid.*). По *Маркварту, были марды и в Закаспии, у реки Мургаб, где современное *Amul* (из **Amrd*) сохранило это имя. См. его статью „Die Silyppen“ (в журн. *Caucasica*, Fasc., X. 1932, стр. 7–8).

Dagolassus исправить в *Dagalassus*. Во всех этих именах первичные основы будут *Dagal-*, *Megal-*, *Sabal-* и *Salmal-*, т. е. с интересующим нас топонимическим суф. *-al*, но с дополнительным осложнением новым подобным же суф. *-ass(-os)*. Это же явление мы видим и в имени района *Orbalisēne*, где к первичной основе *Orbal-* прибавлено *-is-ene*, к чему ср. сродное топонимическое *Orbisēne* без *-al*. Это районы Малой Армении (по Птоломею), причем Орбалисена занимала северную часть (на реке Келькит рядом с Акилисеной), а Орбисена была южнее (см. у Адонца, стр. 74). Быть может коренное *orb-* также этнического или родового происхождения, как это явствует в *Balaleis-*, *Mardali* и *Mannali*, а в своей изначальной идеологии связано было с тотемом орла (ср. груз. *orbi* „орел“ и фамилии Орбел-нов, Орбели), как имеем племена *Turuberan* „тавро-роды“ (почитавшие быка), *Arberan*(1) „ар-роды“ (почитавшие Ара, б. м. также орла), племена-народы *Hurri* от простого имени *hurri-* „бык“¹ (был вместе с обожествленным *Seri-* небесным спутником бога грома и молнии Тешупа) и т. д.

Наконец, хочу обратить внимание и на имя стационарного пункта римских дорожников *Bubalia*, что находилось на пути между Дракоинсом и Зимарой, в 40 км (27 mille passuum) от Зимары, вероятно в области Даранали, как думал Н. Адонц. К западу от Ванского озера упоминается в девятом веке до н. э. местечко (город) *Aramali* („место Арама“?), как и *Armarali* или *Armirali*, если ассирийские надписи не путают имя одного и того же места. Нормативно, судя по азиатическим языковым возможностям или данным, могло быть *Aramali* или *Armarali* „место (ali) аримца“ (или арамейца).

При всей казалось бы правильной лингвистическо-формальной аргументации моей постановки о топонимическом характере суф. *-ali*, тем не менее имеются и некоторые данные или возможности для рассмотрения этого *-ali* как форматива образования имен лиц, происходящих из того или иного племени или народа, а может быть и места. Отношение же к месту выражается уже особо. В этом аспекте основы *dagal-*, *megal-*, *mardal-*, *mannal-*, *orbal-* и пр. будут уже обозначать „дагец“, „мегец“, „мардец“, „манец“ (манией), „орбец“ и т. д., к которым присоединяются либо новые поссесивные частицы, совместно образующие субстантивированные топонимика, либо же чистые суффиксы для этой же цели. И потому напр. *Dagalassos* будет означать „(место) относящееся (-ass-os) к дагцу“, *Mardalia* „место (-ia) мардца“, *Bubalia* „место (-ia) бубца“. *Orbalisene* „место (-ene), относящееся (-is) к орбцу“ и т. д.² Здесь суф. *-al*

¹ Ср. груз. *ბუბო ღარი* „бык“

² И. Гельб (Нип. hier., II, 6) сравнивает основу *orbal-* этого *Orbalassus* с хеттским иерогл. *Waṛpala(wa)*, именем царя города Ткана³ (Туана), с хеттс. клинописным мужс. именем *Urpalla*, греческим *Ορπαλλος*, выводя из хеттс. *waṛpalliš* „могучий“ (*ṣipong*), хотя ему не было известно и соименное *Orbisena* из корня *orb-*, без конечного суф. *-al*.

(рус. -ец) будет играть такую же функцию, как и рассмотренное нами сродное -ar в хурритском hattar- „хаттец“, kuzaštar- „кузастец“..., в мегрельских opizar, odišar и пр. И последствием такового конкретного узкого определения (оформления) местности по имени этнической личности получаем то Hattar-ina „место хаттца“, то Mar-dal-la „место мардца“ и т. п., как если бы сейчас мы сказали не „Англия“, а „Авгличания“. Ср. подобное же сужение и конкретность в palaum(i)l „по палайски“ от имени palaum(e)paš „палаец“, а не от этнотопонимического Pala (от чего было бы *palaili), hurlili „по хурритски“ от hurla- „хуррит“, а не от общего Hurri, от чего ожидалось бы *hurriil и т. д.¹

В аспекте посессивного содержания трактуемого нами суф. -ai я бы хотел отметить и предложенную Н. Адонцом (Арм. в эп. Юст., 56) корреспонденцию этого -ai с грузинским -el (в Руставели, Церетели и пр.). Мне думается, что с этими посессивными суффиксами (-ai, -el) родственен и протохеттский суф. -el || -il || -al (<*a-il?) в придаче к именам городов для выражения их уроженцев. Так, имеются Hibburiall, Kišmittail, Hūlarail, Hallabiall, Tintūnail, Zarkapsunail, Hammuḥiall, Alizail или Alizal, Jatil, Pasiliil, Gaššumuil, Tagasnadial, Ištaḥaral (см. Ф. Грозный, Spr. d. Heth., 51), перед которыми везде идеограмма „город“; ср. также ziplandel „зипландец“ (уроженец города Зипланда). Чисто хеттским эквивалентным формативом для такой же функции является суффиксированное -umap- || -umep- „страна“, известное нам из хурритского (umlni „страна“) и нероглифохеттского (umene „город“) языков, как и из каппадокийских туземных сложных имен лиц на -umap за два и более тысячелетия до н. э. Ср. напр. хеттские luwlum(a)paš „лувиец“, buruṣṣandumneš „жители города Бурушханда“, ḥattušumneš „жители города Хаттуша“ и пр.

10. Суффикс -ара || -ира

Такой суффикс выводится мной из топонимических словообразований клинописного и позднего периода. Имеется, напр., город *Dunapara* (КВо. II. Col. I), простую основу которого я вижу в имени города Dunpa (см. у J. Friedrich'a в его Heth. Texte, стр. 22). Затем отметим имя города *Gazzara* или *Kazzara*, основу которого можно видеть в имени хайасского города Gazu (Ga-zu-u)² и в имени понтийской крепости Gazzura, существовавшего еще в римское время. Далее имеем имя города *Katapa* (*Gatapa*) бывшей зимней

¹ Интересно, что hattili значит „по протохеттски“, а не „по хеттски“ для чего употребляется поныне термин—pašili, собств. „по неситски“ от имени города Nesa, как впервые это выдвинул Ф. Грозный (см. также у Стуртеванта „Hit. glos“, II, 108: Našili—Nesumlii „in the language of Nāsas, in Nesite?“). Подобно hattili имеем Papili „по вавилонски“.

² Этот город Gazu фигурирует в трактате, заключенном между хеттским царем Тудхалла и хайасским царем Карани.

квартиры хеттского царя Муршила II (2BoTU.60 II. § 132.37'),¹ имя города *Kartapaha* с новым суф. -*ha* (есть и ^{URU}*Kartapaḥumneš* „картапахцы“), имя страны *Hišašhara* и города *Sallapa* (в Арзаве, см. 2BoTU. 61. § 148). Наконец в производном ^{URU}*Hallabai* „халлабиец“ также имеем имя города *Hallari(a)*. Ср. также приводимые Птоломеем (V, 16, 18) имена городов Малой Армении—*Καρζαπη* и *Ουαρζαπα* (у Адонца, стр. 74).

Менее часты имена мест с суф. -*ura*. Таковы города: *Kadudura*, *Sadduppa* (KBo. V. 8. 14), *Ištaluppa* или *Ištalubba* (2BoTU.61. § 148), *Kabbuba* или *Gabbuva*, *Išhurpa* (KBo. II. 5. III. 37. в стране Калашма) и т. д. Ср. также имя города *Šunupašši* с поссесивной частицей -*ašši* и осн. *Šunupa* (=Синоп?).

В одно время М. Шмидт („Neue lykische Studien...“ Jene, 1869 г., стр. 104), хотел выделить суф. -*be* в ликийских именах мест *Κινδανύρες* (что на стеле Ксанта написано через *Xntanobeh*), *Πρ'αυοβ'α*, в киликийском *Κολαβ'ι* и др. Но, как видим, первые два имени определенно говорят за суф. -*ob*, что поддерживается и хеттс. -*ura*, фонетически звучавшим несомненно -*ora* (в клинописи „u“ передает оба гласных „u“ и „o“).

Устанавливаемые мной суф. -*ara* и -*ura* (resp. -*ora*) бытовали также и у армян и грузин, причем у армян согласный звук передается либо простым *p* (ц), либо аспированным *ph* (ф) с отбросом конечного гласного „а“. Таковы арм. имена сел: *Արծափ Arcaph* (в Алашкертской долине, в 12 милях сев.-зап. от Баязида); *Բարձափ Bardzaphi* (совр. Елгован близ Еревана в районе Котайк); *Անթափ Anthap* (район к западу от Дутаха на реке Арацани), что не нужно смешивать с городом *Ain-tap* („источник хороший“) в Сирии, в районе Алеппо; *Արտափ Urtaph* (село к северу от Битлиса, южнее Датвана); *Մեծափ Mecoph*; *Տաշտափ Taštaph* (село в районе Гюзельдере у Битлиса); *Օսոփ Osoph* и пр.

Быть может последняя часть -*orh* в этих армянских топонимиках есть арм. слово „ф“ *orh* „яма, падь, трущоба“, роднясь с груз. *ube* „пазуха, лоно“, с которыми случайно созвучно и греческое *ὄπη* „отверстие, дыра“. Хеттское имя города *Sallapa* образовано от хеттс. клинописного *šalli* „большой“ (=хеттс. иерогл. *salī*) и от

¹ Для выяснения местоположения этого древнего города Катара я бы обратил внимание на название ущелья между полями современных Аладжа и Чорума по дороге из Амасии в Тавиум. Это ущелье сейчас называется Натар. Наконец есть имя села Октар по дороге между Нексаром и понтийской Команой („Кюменек“). Была попытка сопоставить город Катара с поздним *Kolorepe* греческих писателей со звуковым изменением *i > I*. Это *Kolorepe* находилось на месте современной Себастии (не смешивать с Севастополем, что значительно западнее). Мне думается, что имя *Kolorepe* древнего происхождения и ничего общего с Катара не имеет, тем более, что в Киликии упоминается подобное же имя города (места) *Κολαβ'ι*; (см. У. Шмидта, *Neue lyk. Studien*, стр. 104).

неизвестного пока -ара. Мне думается, что во всех этих Дупанара, Gazzара, Kartара., Kadudupa, Ištaluṣṣa, Saddupa., Kindanobe, Priapoba и т. п. мы имеем какое-то суффиксированное слово. Ср. также груз. суф. -ob(i) напр. в именах мест Vašlobi (от vašli „яблоко“), Džindžirobi (около Ардагана) от džindžari (или tšentšari) „крапива“, Tkioḃi (близ Агары—Михайлово) от tke „лес“ и т. д.

II. Суффикс -ura (|| -uria)

Топонимический суф. -ura (-uria) бытовал начиная с хеттской поры, как видим на примере имен городов—*Tiliura*, *Hibburia* или *Hirpuria* в производном *Hirpuriaḡi* „хиппуриец“ (см. у меня, стр. 47) и *Kuršaura*.¹ Отмечается этот суффикс и в грекоримское время, судя по имени понтийской крепости *Gazziura*, о чем у мене уже было отмечено в связи с именами городов *Gazzara* и *Gazū*. Наконец сообщается и о городах во Фригии, образование которых также должно быть местного малоазиатского (азианического) происхождения. Это—города *Karoura* (ср. *Μην Κάρου* „бог Мен из города Кар) и *Kūdroura* от личного имени *Kōdros*, часто встречающегося отдельно и в других производностях (*Kōdrōlos*, *Kōdrōmōlos*, *Kōrapnos*, *Kōdras*, *Kōdras*..).

Примеров из хеттского языка на суф. -ur для отыменных прилагательных не имеется, и потому имена вышеприведенных городов *Tiliura*, *Hirpuria*, *Kuršaura*, *Gazziura*, *Karura*, *Kūdruṣa* должны быть иного происхождения. В хеттском есть суф. -ur только для означения имени как продукции от действия глагола, как имеем напр. *paṣṣur* „кроха“ от *paṣṣa-* „крошить“, *anur* „обряд“ от *an(p)a-* „чинить, творить“ *aršaršur* „поток, течение“ и пр. (ср. арм. *les-ur-kh* „источенное“ от *les-ul* „точить“, *thaph-ur* „оставленное, брошенное“ от *thaph-el* „бросать“).² В хурритском и урартском языках также мне не известно существование посессивного отыменного суф. -ur.³ В урартском есть только отглагольное причастная форма прош. врем. страд. залога на -uri, как *ai-uri* или *šida-uri* „сделанный“, *ušt-uri*

¹ Имя города *Kuršaura* приводится в найденной в Богазкее надписи древне-ассирийского царя Нарамсина и соответствует городу *Garsaura* грекоримского времени. Это—современное Аксачай, что южнее реки Кизил-Ирмак (северо-западнее гор Хасан-Даг). См. у Л. Делaporte, *Les hittites*, стр. 43 и 56.

² Возможно отыменного происхождения имя богини *Liluri*, почитавшейся в Кизватне (=совр. Киликия), имея ввиду хеттс. *lila* или *lela*—род известного праздника (см. Стуртевант, *Hitt. glos.*, II, 92). Несомненно этот корень *lil-* входит и в имя бога (богини) *Lilwappi*. В хеттском же упоминается имя музыкального инструмента (из URUD „медь“) по имени *galgalturi*, что как видим звукоподражательного характера с суф. -ur. *Liluri* и *galgalturi* тут поставлены в дат. п. на -i. Характерен суф. -ur в именах музыкальных инструментов *tambura*, *bandura*, *galgaltur*, *хавра* (—арм. *բհր*) „лира“, *šangur*, груз. *šiapur*, *salatur* „свириль“ и т. д.

„направившийся походом“, быть может **zad-urī* „стройка, построение“ от *zad-ubi* „я построил, я сделал“, ¹ *mauri* (= ?).

Предлагаемый мной топонимический суф. *-iga* несомненно также притяжательного происхождения, подобно уже многочисленным вышеприведенным, где последнее „а“ также специфично в своей функции. Этот суф. *-iga* мы видим в грузинском языке, где так образуются отыменные прилагательные, и, как уже было мной отмечено, такие прилагательные могут там субстантивироваться и стать топонимическими именами вроде Хашури, Чизтури и пр. Несомненно и арм. имя места *Шарур* (*Շարուր* *Šarur*) имеет подобное же образование от этнонимического *Շար* *Šar* (скифское племя), откуда имеем и имя князей *Աշարակի* *Ašaruni* (такое писание точно установлено по надписям на церквах VII в.), что позже аккомодируется в *Aršaruni* под влиянием имен с начальным *arš-* (в *Aršam*, *Aršak* и пр.).

Так что пределы для поссесивного, resp. топонимического суф. *-ur(a)* ограничены северо-востоком Малой Азии и грузинским этническим миром.

12. Суффигированный элемент *war(a)*

Мной выявляется в некоторых именах древних городов клинописного периода регулярно-повторяющаяся часть (компонент) *-war(a)*, что я предлагаю считать древним малоазийским словом со значением „род“. Это слово я усматриваю напр. в именах городов: *Kanšu-wara* (*Ganšu-wara*), находившегося по анналам Мучшита II близ Хайасы, *Salabšu-wara*, *Šalatuwar* (*Šalatuwar*), который по древнеассирийским надписям находился на среднем течении реки Алис, *Kizū-war* (Bo. 2715, Bo. 423), *Tahašduwara*. Кроме того, по хеттским иероглифическим надписям имеются еще имена городов *Xpa ta-wa-ra-š*, *X-ni wa-ra-š*., *Ku-ma-wa-ra-si*, *Halpa-wa-ra-si* (имя реки) и т. п. где *-s(i)* есть окончание имен. п. ед. ч., хотя, как видно, начальный иероглиф некоторых из этих имен городов еще не прочитан и обозначен „икс“-ом (о чем. см. I. Gelb, *Hitt. hier.*, II, 1935, Чикаго, стр. 27). Имена *Kumawara* и *Halpawara* по-моему легко объяснимы с точки зрения выделения начальной части *kuma-* и *halpa-* и общей части *-wara* („род“), ибо имеются в других случаях—города *Kumtaḫa*, *Kumtanī*, река *Kumešmaḫa*, село *Kumlala*, личные имена хурритов *Aštakumme*, *Arikumme*... как есть и самостоятельное *Halpa* или *Alpa* (имя города Алеппо), мужские имена *Halpa*, *Halparunta*,²

¹ Ср. имя города *Zaduri*, который упоминается вместе с городами *Arinu* и *Turru* и страной *Šurria* (верховье реки Тигра) в надписи Ададнирари II (911—891). См. у И. Гельб в его „*Hittites and Subarians*“, стр. 47. Для урартс. *ai-urī* „сделанный“ ср. хеттс. иерогл. и лувийское *aia-* = хетт. клинописному *ija-* „делать“.

² Начальная часть *Arunta* или *Eruḫ* входит и в личное имя хетта *Hilarnada* (собств. „лижина бога Аруада“) и является именем какого-то божества (см. у И. Гельба, там же, стр. 29—30). Есть и личное мужское имя *Aruntis* из Малой Азии (по Суэввалу).

Halpašiliš.¹ И. Гельб хочет в этих Kumawara, Halpawara и др. выделить только последнее -га, имея в виду хеттские клинописные имена мужчин Mulliara, Bimbira, Bittapara, Summitara, Sunaššura, Wa[mb]adura, а с другой стороны малоазийские имена греко-римского периода (взято им у Сундвалла): Δαπαρχς, Κολαμορχς, Οσβρχς, Ουορχς, Παρχρχς, Σαρχρχς. Я не отрицаю возможности наличия суф. -га, точнее -ага, в *некоторых* из этих личных имен, как это особенно явствует из примера женского имени Βρυγυδρχ. образованного несомненно из имени малоазийского некоего города Bruginḏa (ср. по суффиксу имя тамошнего же города Βρυγυδχ). Подобное же -ар(а) я вижу и в мужс. имени Κιλαρχς, от имени Κίλλς. Τεδιρχς (киликиец) от им. бога Τεδι, в женском имени Αρχρχ (= Агага), что читается также и в хеттских иероглифических текстах (см. у И. Гельба, там же стр. 13 и 27). Возможно, что такое же словообразование с суф. -ар(а) имеем и в армянском мужском имени феодала Արանդար Arandzar из некоей основы (или корня) *Arrand(a). Суффикс же -ар вероятно здесь тождественен с рассмотренным уже хурро-грузино-армянским -ар, выражающим принадлежность лица к тому или иному лицу, племени, городу.

Для суффиксированного же -war(a) я бы прибавил и имя Saltuara, царя Ханнгалбата (Митанни). Наконец, как мы уже видели (стр. 43), местность Կանգարր Kangar-kh значила дословно „кангцы“ от имени этнического kang-ar „кангец“, но есть вблизи и гора Կանգարր Kanguar, т. е. Kangwar, что значит „канг-род“, т. е. является другой концентуальной передачей первого слова Kangar-kh. Была и арм. крепость Kangwar в области Андзаваци на верховьях Бохтан-су, восточнее Шатаха, как есть и гора Kongur (из *Kongwar) — нын. Гинал-даг восточнее оз. Севан. Быть может так же нужно объяснить и имя села Ծափարր Tsaplar, как „цапл-род“ (находилось около Арабкир на Евфрате).²

Но с другой стороны есть много примеров из армянской и грузинской топонимики, как и языка, где выступает элемент -wer „род“ как бы двойник нашего -war(a). Так, напр., есть нарицательное арм. փեսաւեր phesawer „родич по зятю“ (на свадьбе), հարսնաւեր harsnawer „родич невесты“ (на свадьбе же). Ср. также имена сел Լարրեր Narver (у Акна на Евфрате), Աղաւեր Alaver (тур. село у Эрзерума), Վաղարշեր Valaver (в Басене и Голтене), Տաղաւեր Talaver (местоположение неизвестно). Սեփաւեր Sevaver (совр. Караджоран на р. Занга)..., а также грузинские: Царвери, Машавери, Шулавери (из Шуравели-Шуравери), Уравели (из Уравери), Хурнавели (в Шираке).., karthveli из kharthveri „карт-родный“, т. е. грузин-картвел, и т. д.

¹ Для образования конечного -šiliš (из -s-il-i-s) ср. также имена Muršiliš, Hattušiliš, Biašiliš., Մամուշէլ Mamišeł имя реки в Большой Софене, где арм. -աւ -el вышло из -il (корень имени этой реки Мамушия будет Маму-, что быть может не случайно созвучно с именем соседних курдов Мам-кан из Дарсина).

² Для начального Tsap- ср. имя села Ծափաբ Tsap'ker.

Суффигированное *wa(n)ni* или *wa(n)na*

В иероглифических хеттских надписях приводится изрядное количество топонимических образований с конечным элементом *-wanni* (реже *-wanna*). Судя, напр., по трем выпускам „Hittite hieroglyphs“ Игнатия Гельба (Чикаго, 1931—1942), отмечаются следующие „географические прилагательные“ (ibid., II. 23) с детерминативами „город“ или „страна“: *Tuwanawani(sa)* „из города Тувана“ (II. 23), *Natiwani(sa)* „из г. Хаму“, известного нам и из ассир. надписей (II, 16, хотя знак „ти“ здесь читается предположительно), *Semirakawani-* „из г. Семирака (=Ишмирака?), *Narawawane-* „из г. Харран, харранский“, *Lakawani-* „лакский, из страны Лака“, затем—дефективные по чтению [—] *ṡanawana*, *E...rawana* || *E...rawani* и т. п. (ibid., III, 8—9, 16, 34—35). Есть даже нетопонимическое сложное слово „*hiprawani* сын“, что дословно значит „сын происхождения (*-wani*) от пленника“ (=клинописное хеттское *hippara*, что в своде законов замещается, по мнению А. Вальтера, аккадским *asigum*, см. там же, II, стр. 17). По моему неправильно констатируется *-weni* в митанийском *Mizirriewānieš iriṡ* „египетский царь“, где *-wə* есть по моему окончание род. п. с новым поссессивным *-ni* и *-s* для им. п., как есть *ṡimlginiewānlemaan* при *ṡimiginie-wə-maan* (см. письмо Тушраты, Col. I, 85—86), где *-maan* отдельное слово—прилепа, а само *ṡimigini* отмечено детерминативом „бог“ или „страна“. В митанийском—хурритском генетивно-поссессивный суффикс был бы *-hi* (URU *Udahi* „из города Уда, удский“) или *-ar* (*hattar-* „хеттец“).¹

Но наш суффигируемый элемент *-wanni* (*-wanna*) можно засвидетельствовать и в клинописном хеттском. Так, напр., имеются имена богов *Kupniwanni(š)*, *Lelwanni(š)* при *kuppa-* „благоприятный, удачный“ и *lila-* (*lela-*)—рожд. известного праздника.² Есть и личное имя хетта *Urawanni*, который посылается против гашгайцев города *Kašula* (KBo, V, 6, 32). Дословно *Urawanni* могло значить „урский, из города Ура“ (был город Ура в Хайасе и Ур в Месопотамии).

Генетически суф. *-wanni* (реже *-wanna*) мог быть и самостоятельным словом со значением „место, дом, земля, страна“ и т. п., а позже стать в сложениях и формальным элементом, подобно суффиксам для выражения происхождения человека от той или иной личности (или божества). Семасиологически ср. хурритское и иероглифо-хеттское слово *umene/i* (*umini*) „страна“, или „город“, вошедшее с новым значением в сложные *buguṡḫandumnaš* „бурушхандец“ (от имени города Бурушханда), *palaum(e)naš* „палаец“ (от имени

¹ Ученый Боссерт даже на этом минимом наличии „хурритского *-wani* в иероглифическом хеттском языке предлагал последний считать происходящим из хурритского (см. у Гельба, Hitt. hier., II. 21).

² См. E. Sturtevant, Hitt. gloss., II, стр. 83 и 92.

народа или страны Пала) и т. п.¹ Вероятно также нужно подойти и к генезису урартского *alhe* (*alhi*) в *Melltealhe* „мелитеец, из города Мелита“, *Buipialhi* „бункиец, из г. Буини“ и т. п., видя в этом *-alhi* (раз употребляется и самостоятельно)² значение „дом, род“ и т. п., при сродном арм. *աղի* *ałx* „челядь“ (откуда *ałaxin* „рабыня“), груз. *s-axli* = мегр. *oxoḡi* „дом“ (ср. сванс. *mo-axle* прислуга), семитич. *ahl* и т. п. Следовательно, нет препятствий для понимания *Naranawani*, *Lakaḥani* и пр. как „харраноземский“, „лакоземский“ и т. п. Есть даже имя города *Naratwani* от имени богини Хепит (см. KUB. XXVI, 43—41).

Уточнение значения этого малоазиатского *wa(p)ni* дает армянский язык, где очень было распространено слово *վան* *van* (чаще во множ. ч.) с древним значением „место пребывания, место покоя“, затем и „обитель, приют“, а позже и „храм, монастырь“. Я не знаю в армянском языке другого такого слова, как это *van*, которое бы имело три формы множ. числа: *վանք* *van-kh*, *վանեաց* *van-eaḡ* и *վանորայք* *van-oraḡ-kh* (с собирательным значением). Это слово проникло через священное писание и к грузинам, судя по словарию Чубинова (*ვახ* *van* „дом, жилище, пристанище, приют“, стр. 501), хотя топонимические свидетельства имен сел *Vani* юго-западной Грузии (на реке Супса и северо-восточнее) говорят и за непосредственное распространение с юго-запада на северо-восток. Есть и армянские три деревни на юге от Ванского озера с именем *Վանիկ* *Vanik*. Древнее значение „дом, комната, обитель“, не говоря о многочисленных *Van-kh* (из коих два села в долине Тортум), дается по моему и в армянском объяснении историком Агафангелом кумирни Астхик как *սենեակ* *Վահագնի* *seneak Vahagni* „комната Вахагна“, супруга богини Астхик, хотя кумирня самого Вахагна передается одним словом *Վահեվան* *Vahevan* (откуда *Vahevanean mehean* „Вахе-ваисский кумир“), причем само это *Vahevan* дословно также значит

¹ Это *-imen* имело и разновидность *-uman*, напр., в *luwl-umagaš* „лувиец“ *Šut-u(m)manaš* „житель города Шута“ (Во. 478, face II. 6) и т. п. Даже от *agupā-* „море“ имеем *agupumanēš* „приморские (жители)“, как переводит Ф. Зоммер (см. у Стуртеванта, *Supplement of hitt. gloss.*, Philadelphia, 1939, стр. 14). Наконец, известны многие личные имена из „каппадокийских таблечек“ ассирийцев-торговцев (с конца III тысячелетия до н. э.), где читаем тузменные мужские имена на *-uman*, как *Agalluman*, *Arnuman*, *Limuršuman*, *Luhaduman*, *Simnuman*, *Šukriuman*, *Subeuman* (см. F. Stephens, *Personal names of Cappadocia*, 1928, New-Haven, стр. 89, где автор неправильно выделил элемент *-man* вместо *-uman*). Это *uman* (= *imen*) „страна, город“ нельзя, по моему, отделить от картского *ubani* „квартал“, мегрельского *abani* „место“, урартс. *ebani* „страна“, арм. *աւան* *awan* „поселок“. Слово это несомненно было в протохеттском языке, как доказывают и каппадокийские имена.

² В изоглифической надписи царя Сардура, что на восточном бере у Ефрата, против Малатии, читаем: Сардур говорит *-alhi buranadi tuišhi-man* и *ainiei LUGAL ištini ištigi* (строки 6—7).

³ Не выдерживает никакой критики вопрос о заимствованности арм. *van* „обитель“ из санскр. *vasana* через предполагаемое но отсутствующее иранс. **vāhana*, что в арм., как заметил и Гюмбшман, сохранилось бы в этом же виде.

„комната (-van) Вахе“, т.е. бога Вахагна. Значение слова van, в частности как жилища богов, мы видим и в армянских (скорее доармянских) именах мест: *Dagnavana* римских дорожников, соответствующее по Я. Манандяну армянскому *Դոնեվանք* Donevan-kh (село севернее озера Ван) и *Դաժնվան* *Datvan* (городок у юго-западного угла того же озера), Первое имя *Dagnavana* дословно значит „жилище (обитель) бога Дагана“, а второе „жилище (обитель) бога Дата“. Бог Даган (или Дагон) почитался у аморритов и даже у части хурритов, проникнув даже в район Тарона (ср. „Дагонские горы“ у Муша), а второй бог есть известное малоазийское божество грома и молнии, соответствующее хурритскому Тешупу (и урартс. Тейшеба), и сродно по содержанию и звучанию ассирийскому Ададу. Даже имя села *Արվան* *Arvan*, что севернее города Балу, я склонен объяснить в связи с богом Ара, не говоря уже о личном имени хетта *Arivana* (см. Bogh. Studien, VIII, 14:43). А ведь теофорные имена людей „из жилища бога такого-то“ мы видим и у других древних народов. Напр. имя мелитийского царя 8 в. до н. э. *Hilarguada* (из династии Шаху) дословно значит „жилище (hila) бога Арвада“, как имеется хайасский город *Lahirhila* „Лахира жилище“ (мой перевод).¹

Быть может наше слово van „жилище“ входит также и в хурритское личное имя из Нузи—*Vantešur* „из обители бога Тешупа“, хотя это писание может передать и сложение *vant-tešur* (см. Nuzi personal names, Чикаго, 1943 г., лист Пурвеса, стр. 274).

Точно также, когда в одной хеттской надписи (фрагменте) читается *Li vanniš* памятника хайасского бога грома и молнии, то я предлагаю тут понять не личное имя („муж Ванни“), а „муж обители при памятнике бога грома и молнии“ (см. у меня „Хайаса—колыбель армян“, стр. 75—76). Тут „памятник“ есть несомненно детерминатив, как читается и в хеттском иероглическом *MONUMEN-TI'M vani*.

Наконец в лидийском языке есть слово *vana* „могила“, которое связывается с хеттским иероглифическим *vana* или *vani* „(памятник) алтарь“ (по Мериджи и Босерту). И. Гельб, основываясь на ассирийских маленьких моделях или макетках „домов мертвых“ (см. у Э. Форпера *Die hethitische Bilderschaft*, стр. 10 и сл.), сделанных из глины, с двумя этажами и окнами, предлагает под малоазийским *vana* (*vani*) понять этот „дом мертвых“ (*Totenhaus* по Форперу). Мне думается, что армянское *van* „жилище, обитель“ легко могло стать позже и „жилищем мертвых“, как часто в древности на

¹ Это личное имя Лахир я вижу и в каппадокийских туземных именах *Lahria* и *Lahrahš* [часть *-ahš* значит „властитель, князь“], о наличии которых см. у Fer. Stephens'a в его *Personal names of Cappadocia*, New-Haven, 1927, стр. 88. Слово же *hila* „хижина“ представлено в хеттском *hila* (*hela*) „притвор храма, портик“ как правильно впервые перевели И. Фридрих и Ф. Зоммер, и соответствует армянскому *հիւսիս* или *հիւսիսի* „келья“, груз. *хила* „избушка, чулан, лавка“.

могильных камнях писали— „это есть покой такого-то“. Но почему же так сузилось применение обыкновенного слова *vap* от значения „жилище, местопребывание, „приют“ и т. п. к значению только „жилища мертвых“, т. е. могилы, а то и надмогильного памятника („алтаря“)? Причина несомненно религиозно-идеологического порядка, когда в известный период начинают превозносить высшее-небесное, как истинное и вечное, когда в миропонимании верующего понятие „обитель“ для мертвого, т. е. могила, как и для бога (—кумирня, храм) является как бы уже довлеющим. Отсюда и сам бог становится приютодателем (—арм. *Vapatur*, эпитет Арамазда—Зевса, а затем и как самостоятельное божество), почему и арм. *vap-kh* приобрело значение „храм, монастырь“, как обитель бога, где находят приют и сами смертные. Понятно также и понятие— „обитель мертвого“ в лидийском и гиероглифохеттском языках (*vapa*, *vani*), т. е. могила. Ср. и хеттское выражение „стать богом“ в смысле „умереть“, хотя это засвидетельствовано в отношении царей.

З а к л ю ч е н и е

Как можно заключить из моего исследования о топонимических суффиксах древней Малой Азии с близкими к ней просторами урартских и хурритских земель, в том числе и топонимики армян и грузин, я естественно не мог охватить весь возможный материал, тем более в обще-лингвистическом и историческом разрезе, как этим я задавался в моей работе „Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении“ (Ереван, 1940). Да, наконец, наличное состояние понимания древних клинописных языков не позволяет так подойти к затронутой тематике.

Затем, само существование некоторых суффиксов может вызвать даже сомнения, вследствие недостаточного подкрепления примерами, как например наличие суф. *-rig(a)* или *-rik(a)* в топонимических *Nerik(a)*, *Šerigga*, *Ismirik(a)*, *Pattiariga*, *Harmuriga* (в сев. Сирии) и пр. или же наличие уже вышеотмеченного суффиксированного элемента *-war(a)*. В других же суффиксах чувствуется как бы недостаточность их продуктивности, как напр в суф. *-ašt* (*-ast*) или *-išti* (*-ist*), для чего имеются только имена городов—*Laparašta*, *Taggašta*, *Marišta* (*Marištaha*).., как и сложносуффиксальные *Tahaštuvāra*, *Kuzaštarīna*.., если, конечно, не учитывать хурритс. личные имена—*Enništa*, *Ithišta*, *Ivišti*, *Tahrišti* (см. NPM, 258), *Unagašta* (бог хайасцев) и *Argišti* (имя урартского царя).

Иногда элемент сложения как будто не наличествует в клинописный период, хотя и мог быть представленным, а выступает позже, как, например, образования со второй частью на *arīza* („поселок“), что особенно выступает в припонтнйских областях и в Высокой и Малой Армении со своими—*Sunkarič* („грибопоселок“), *Khelerič* (от *phēl* *khel*—вид растения), *Ваζγοιδ·αρῖζα* („Свекло-поселок“ в Понте =

арм. Bazkarîç у Эрзерума) и т. п., хотя такие примеры, как Aladar-arîza („Хлебо-поселок“) в районе Себастии еще дышат хеттским языком (ср. хеттс. aladdari или laddari „хлеб“), о чем говорит и арм. Ketharîç=греч. Κεθαρίζων („поселок хетов“) — слово не позднее исчезновения хеттов (7—4 века до н. э.). Само же это -arîza мне представляется словом бала-хайасского происхождения со значением „поселок“ (по Н. Адонцу „деревня“, Арм. в эп. Юст., 80), к чему ср. и мегрельское огеplî „приют, жилище“ (И. Кипшидзе, Грам. мегр. яз., 294) и в своей первоначальной форме arîza (ср. собств. имена мест Erîza, Harîza), ставшей у армян առիճ arîç, не только богато представлено в армянских Bazkarîç и Գաղառիճ Gałtarîç (в долине Карина), Զարդարիճ Zardarîç и Գալարիճ Gałarîç (в районе Ерзнка), Առջոյ առիճ Arjoj arîç („местопребывание медведя“), Խոկարիճ Xokarîç, Բիդարիճ Bidarîç (ср. хеттс. и хайасской Pittiarîga) и т. п., но и в самостоятельном виде Արինջ Arinĵ распространилось по путям расселения этих балахайасцев, т. е. по Араксу (вплоть до Сюнии, где много имен с этим —arînj), и по Арацани на юго-восток к Моксене (ср. Arinĵ у Муша, а также восточнее Хазо, в районе долины речки Мотки).¹

Вообще же говоря, я не ограничивался вопросом конкретного распространения того или иного малоазийского имени места, чему мешает вдобавок еще невозможность точного приурочения этих имен к тому или иному известному нам пункту. Даже целые районы вроде Кизватны, области распространения гашга и пр. не были до последнего времени определены, уже не говоря об отдельных „городах“. Повторение же известного топонимического или этнонимического термина иногда можно объяснить и как следствие передвижения племен, когда напр. в разных местах застаем этнонимические *marda* (арм. Mardastan, Mardali и Amul<*Amrd в Закаспии), *manna* (Манна или Minni у оз. Урмии, арм. области Manali || Mananali в Высокой Армении), *hatti* (Hatti, Hattuša., Hattarina, Hattinzua), *pala* || *bala* (Pala, арм. Palunl, Palanakan tun, Balu, Balahovit, Palin, Balas, Balas ašharh „страна балов“ в Сюнии и пр.), *ha* (Hajaša, город Hajšehla, городок Hajni, долина Hajoc-dzor) и т. д. и т. п. Передвижения племен не только вызывают у бывших аборигенных племен топонимические нарекания по имени пришлых племен, но и служат причиной переноса или повторения своих бывших топонимика, как это мы видим на примерах Ани, Аза, Ариндж и пр. или имен с суф. -anda, -ha, -ina и пр.

Но с другой стороны распространение географического имени может быть вызвано и нарицательным значением самого слова, употребляющимся у разных народов, в смысле их общего родного

¹ Мне не известны села с этим именем в Васпуракане, ибо после оформления хайо-армянского народа (или союз племен), халды-урартцы еще долго держались в районе восточнее озера Ван (до конца пятого века до н. э.), и потому хан не давали этим местам своих имен.

слова или заимствования. Напр., в надписи на статуе царя Гудеа, как и на каппадокийских табличках ассирийских колонистов торговцев сообщается о городе *Hahh-um*, откуда они вывозили золото. Находился этот пункт, видимо, восточнее Канеша. Но урартский царь Аргишти I в одной своей надписи на ванской скале (Col. II, строка 43) также сообщает о городе *Nahi(a)*- который он завоевывает (после страны Хабурда с царем Ишлубура). Место этих городов мы пока не знаем. Но в то же время мы не можем это имя отделить, в отношении конечно происхождения, от имени армянских сел *hah* Хах (в Ахилисене), *hahin* Хахи (в Тортуме), *hah* Хах (в районе Джахук у Аракса, в Сюнии)¹ и от грузинского Хахули. Иногда в этих разноместных именах как будто всплывает и их нарицательное значение. Так, напр., есть несколько топонимика с общей основой (корнем) *agip*, что по-моему значит „гора“. Если в имени хеттского священного города Агиппа с культом верховного божества хеттов—богини солнца—это значение „гора, холм“ еще не так явствует, хотя ее почитание на высокогории было бы очень подстать (ср. почитание Семирамиды, Анахиты и других на горах), то в имени „горного города“ (Gebirgsstadt) *Arina* или *Arini*, находившегося близ района Мусри (= арм. *Մշուր* Mzur?), это значение „гора“ уже очевидно.² Есть и гора *Arinpada* в Арзаве, что по-лувийски значило бы „горы“. Наконец, об этом значении „гора“ говорят и арм. имя горы *Արոյ-ոտ* *Arnoj-otn* „подножие (горы) Арины“, соответствующее нынешнему „Арнос-даг“ (близ Мокса, южнее озера Ван).³

Но при всей я бы сказал замкнутости и узкой специальности рассмотренной нами тематики, с подробным историко-лингвистическим анализом более десятка топонимических суффиксов или суффиксируемых элементов, наша эта исследовательская попытка дает большой материал для историко-культурных и языковых целей, не только в смысле размежевания сфер, а следовательно и локали-

¹ Быть может это имя Хах у Аракса есть такое же повторение хайасцами своих родных топонимика, как это мы видим и в именах Ани (на Евфрате и на Ахурыне), Аза или Хаза (в Аззи-Хайасе и в Сюнии—Голтене, как и в Арзанене), Ариадж (в Малой Армении и по Араксу на востоке) и т. п.

² Об этом „горном городе“ см. *Keilschrifttexte aus Assur historisches Inhalts, I* № 13, U. 11, B. 6.

³ Это восточномалоазийское (resp. лувно-хурритское) слово *agip* „гора“ я усматриваю и в армянском слове *լեզն* *leagn* „гора“ с родит. падежом *lerip* на *li+agip*. Первая же часть *li* значила по-моему „высокий“ и есть сокращение из *eli*, что наличествует и в кавказских языках (напр. в сванском, утийском и др.) и в семитических (ср. акадс. *el*-и „высокий“, откуда вероятно и общее *el*- || *il*- „бог“). Это же *el(i)* мы видим и в доармянских имени села *Եփրատրուշ* *Eḫpatruš* (в Ниге, т. е. совр. Апаране, ныне село Тамджерлу), что по моему значит „Высокая (или Верхняя) крепостца“, затем в имени сел *Եփրատ* *Eḫward* (в Айрарате и Сюнии), что дословно значит „Верхняя вода“ (ср. хеттс и арзав. *watar* „вода“ > *ward*), *Եփրատ* *Eḫpankh* или *Եփրատ* *Eḫpankh* с первичным значением „Высокая обитель“ (храм).

зации древних языков Малой Азии с близлежащими странами, но и в выявлении влияния друг на друга, отграничении культурных и более сильных областей этого древнего мира, в отображении последствий перемещений и расселений этих древних языков и племен. Я уж не говорю об образовании и изменении преемственно освоенных названий в связи с новыми сдвигами в мышлении, что у меня также подчеркивается.

Вспомогательное значение для исследованной здесь топонимики могут иметь, конечно, и оформления личных имен этих древних хурритов, хеттов и др., что отчасти мной и использовано. Примечательно, что мало представлены имена мест, образованные на морфологии хеттского клинописного языка („неситского“), как это отмечено и другими. В большинстве случаев тут мы имеем дело с более древними, чисто азианическими языками и их творчеством, каковы—протохеттский, хурритский, „хеттский“—нероглифический, лувийский (в Арзаве—совр. Киликии), грузинский, бала-хайаский и другие неизвестные языки природной Малой Азии и сопредельных стран. Но конечно азианическая (resp. малоазийская) филология завершает пока свои первые шаги.

Особенно же должны радовать нас, филологов и историков, последние открытия многих хурритских (субарских) документов в Рас-Шамре (древний Угарит в северной Сирии), в Тель-Атшанехе (у Антиохии), в Тель-Харире (в древней области Мари на Хабуре при впадении в Евфрат), у Чагар-Базара (южнее Диарбекира) и особенно у Нузи (близ Керкука). Многочисленные собственные имена хурритского словообразования, сумеро-хурритский словарь и обыкновенные надписи, хотя и немногочисленные, на собственном хурро-субарском языке (гимны, заклинания и пр.), обещают произвести серьезный сдвиг в деле понимания хурритского языка, который до сих пор был известен нам только из известного письма—таблицы митаннийского царя Тушратты, посланного фараону Аме-нопису III.

Если открытие и чтение хеттских клинописных, как и иероглифических надписей произвело целый переворот в деле изучения Переднеазиатской древней культуры и языков, то пожалуй не меньшая роль остается за хурритскими надписями и языком, понимание которого все более прогрессирует.

Наш сей научный экскурс с узким уклоном языкотворческого интереса в деле разработки многообразного и разноязычного материала из топонимики древней Малой Азии и сопредельных стран, быть может, послужит не только новым шагом в выяснении некоторых морфологических особенностей словообразования древних азианических (малоазийских) языков, но и новым источником, хотя и второстепенным, для истории этих стран, в частности Армении и Грузии, как и их языков. В этом отношении грузинский и армянский языки, эти живые детища культурного субстрата аборигенов того

же древнего ближнего Востока, несмотря на почти двухтысячелетнюю дистанцию их от времени последних клинописных документов, продолжают еще и сейчас, как последние могиканы, перекликаться с этими хурритским, протохеттским, хеттским и прочими языками, выяснять даже многие непонятные черты или элементы этих языков, оказывая тем самым большую услугу для истории народов того же азиатического мира.